

Мир России. 2005. М 3

РОССИЯ ГЛАЗАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Падение государственного социализма

Д. ЛЭЙН

В этом номере журнала мы публикуем с согласия автора перевод одной из глав книги английского социолога Д. Лэйна «Взлет и падение государственного социализма (индустриальное общество и социалистическое государство)»¹. В своей работе Лэйн рассматривает падение коммунизма как мультикаузальный феномен. Автор исследует факторы, которые, распространившись на всю систему, привели к ее ослаблению, а также причины происходивших изменений, исходя из предположения, что не было одной-единственной причины или одного набора причин, которые могли бы объяснить дезинтеграцию².

Системный подход

Для того чтобы существовать и при этом эффективно воспроизводить себя, современным обществам приходится решать множество проблем. Эти проблемы можно проанализировать, исходя из четырех основных наборов институтов и происходящих внутри них процессов: экономика, государство, ценности и система социальной интеграции. Важным допущением системного подхода выступает взаимосвязанность этих систем: изменение в одной из систем приводит к изменениям в остальных. При этом можно добавить еще один немаловажный фактор. Современные общества не являются автономными образованиями. Они функционируют в глобальном окружении и вступают во взаимодействие с внешними экономическими и политическими акторами³.

Серьезная нестабильность возможна только в случае одновременного сбоя в нескольких секторах и системах взаимодействия. При определенных условиях может произойти дезинтеграция политического порядка, что приводит к рево-

¹ Lane D. The Rise and Fall of State Socialism. Industrial Society and the Socialist State. Oxford, Cambridge: Polity Press, 1996. P 151-187.

² Существует много книг и статей, «объясняющих» дезинтеграцию социализма. Среди наиболее значительных можно выделить следующие: [Brzezinski 1989; Хантингтон 2003; Schopflin 1990; Holmes 1993; Waller 1993; After the Fall 1991; Miliband 1991; Deudney, Ikenberry 1993; The Crisis of Leninism... 1991; Dallin 1992; Janos 1991; Jowitt 1992; Pipes 1994].

³ Здесь я придерживаюсь подхода Парсонса; краткое введение см.: [Rocher 1974; Parsons 1959].

люционным изменениям. Но и серьезные системные несоответствия не обязательно приводят к мятежу. Революции возникают не только тогда, когда существуют мощные дестабилизирующие силы, но и когда потенциальные мятежники обладают коллективным видением альтернативного режима (экономического, политического и социального); когда у них есть воля и возможности низложить находящихся у власти и когда защитники старого порядка сдаются или их устраняют. Эти условия были реализованы в Восточной Европе и СССР в период 1989—1990 гг. Но такие же условия не были использованы в Китае.

В этой работе я обращаюсь к анализу пяти основных проблем, способствовавших дезинтеграции коммунистического порядка:

1. Мобилизация ресурсов. Сюда входят долговременный спад темпов экономического роста и развитие разрыва в «ожиданиях» народа.

2. Поддержка лояльности, солидарности и обязательств. Здесь мы рассматриваем модернизацию социальной структуры: рост класса работников квалифицированного нефизического труда и культурно-социальной зрелости населения, что обусловило новую модель требований, не соответствующих тому, что может предоставить государство.

3. Характер системы политической поддержки. Мы отмечаем изменение в структуре политической элиты, появление потенциальных контрэлит и фундаментальное изменение профессионального и образовательного уровней, ослабляющих поддержку существующих элит и укрепляющих контрэлиты.

4. Кризис легитимности. Политические лидеры при Горбачеве в СССР опорочили централизованную командную систему в политике и экономике, что впоследствии привело к дезинтеграции марксизма-ленинизма. Отречение лидеров реформаторского движения в политической элите от господствующей идеологии вызвало идеологический вакуум.

5. Взаимоотношения с внешним миром. Внутренние проблемы привели к изменениям во внешней политике. По сути, внешняя политика трансформировалась в такую политику, которая вела скорее к присоединению к капиталистической системе, чем к противостоянию по отношению к ней. Запад определял условия присоединения, которые оказывали воздействие на внутривнутриполитическую и экономическую стратегии.

Экономический спад

Вероятно, самым существенным долгосрочным основополагающим недостатком обществ государственного социализма было падение темпов экономического роста.

В более ранние периоды, в частности до 1960 г., темпы роста были невероятно высокими. Однако, начиная с 1975 г., они заметно снижаются, и средний рост в конце 1980-х годов составил ниже 4 %. Даже самые благоприятные статистические данные, полученные во всех восточно-европейских государствах и в СССР, свидетельствуют об устойчивом долговременном спаде. В Китае экономический спад был остановлен реформой. После «культурной революции», между 1979 и 1990 гг., китайский валовой национальный продукт возрастал ежегодно на 8,8 %.

Вместе с тем следует отметить рост розничного сектора и обращения денежной массы в восточно-европейских государствах. Относительно возросла роль

Падение государственного социализма

рынка в распределении, обмене и потреблении товаров и труда. Во всех обществах государственного социализма развивалась частная торговля товарами потребления и услугами, хотя происходящее в этих отраслях ассоциировалось с «коррупцией» и ростом «серых рынков» (полулегальной коммерческой деятельности). Возросло значение «рыночного сектора» общества. Также выросла численность людей, участвующих в сделках рыночного типа. Несмотря на это что это был лишь квазирынок, ограниченный политическим классом и административной системой, он привел к формированию требований формирующегося «приобретающего» (*«acquisition»*) класса, для которого более полный рынок мог бы потенциально предоставить большие возможности.

Мощь социалистического блока в мировой экономике была ослаблена. С конца 1980-х годов Советский Союз уступил Японии свое положение второго государства в мире после США по объемам производства национального продукта. Стал очевиден масштабный технологический разрыв между западными передовыми державами (и даже новыми экономиками стран Тихоокеанского региона) и социалистическими государствами. В результате социалистические страны тратили чрезмерное количество своих ресурсов в военном соперничестве с НАТО. Они «осушили пруд, чтобы поймать рыбу», как гласит китайская пословица. Подобные затраты уменьшили количество доступных народному потреблению благ и услуг, таким образом ослабив легитимность государственной власти как поставщика благ⁴. Инициатива «звездных войн» (SDI), предпринятая президентом Рейганом, стала еще большей военной, технологической и экономической угрозой. Подавляемая инфляция привела к дефициту на розничном рынке и возрастанию уровня сбережений. (Подавляемая инфляция возникает тогда, когда спрос на товары и услуги превышает предложение по текущим (фиксированным) ценам.)

Такие данные сами по себе интересны и указывают на серьезные проблемы в странах, таких, как Чехословакия (1961—1965 гг.), где проблемы подтолкнули движение за реформы в конце 1960-х годов, а в Польше и Венгрии — начиная с 1976 г. Но эти цифры не могут быть достаточным основанием для объяснения причин основного кризиса: они указывают на характеристики, не намного отличающиеся от тех, которые были свойственны западноевропейским странам на протяжении 1980-х годов. За период 1980—1985 гг. Великобритания, к примеру, продемонстрировала 1,2 % роста, а ФРГ — 1,3 %, хотя показатели всех стран Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР) в среднем были выше показателей стран СЭВ.

В основе этого спада лежала совокупность экономических факторов, действие которых пытались исправить при помощи реформ. Производительность труда и капитала падала. Тогда как в ранний период экономического развития *экстенсивный* экономический рост (включая увеличенные затраты труда, земли и сырьевых ресурсов) был достаточно эффективным, в более сложных экономических условиях, когда имеет место сокращение в предложении труда и возрастает стоимость природных ресурсов, экономике пришлось перейти к *интенсивному* росту (более эффективно использовать факторы производства).

⁴ Н. Эбершад (*Eberstadt*) приводит документальные факты, подтверждающие несоответствие между теорией марксизма-ленинизма и борьбой с бедностью: [*Eberstadt* 1988].

Занимаясь этой проблемой, реформаторы экономики пытались улучшить трудовую дисциплину и ввести разнообразные стимулы в целях увеличения производительности труда. Изменения проводились с тем, чтобы усовершенствовать экономическое планирование и использование рынка. Тем не менее многие реформаторы в СССР при Горбачеве считали, что в целом система централизованного планирования устарела. Они полагали, что командная экономика не может обеспечить эффективные стимулы производства, оптимальное распределение ресурсов и соответствующие стимулы для инноваций. В этом состоял главный импульс движения к рыночной экономике⁵. Из этого следовал вывод о том, что обмены, необходимые для экономической эффективности [Ellman, Kontorovich 1992, с. 13], не могут быть достигнуты при централизованном планировании. Поэтому советские лидеры проявляли осторожность в вопросе о переходе к рыночной экономике. В то время как в Венгрии и Китае реформы работали, экономические последствия перестройки в СССР были катастрофическими. Демонтировав старую систему, реформы оказались не способными создать новую. Произошла дезинтеграция системы управления ресурсами, падало производство, росли инфляция и безработица. Будучи начатой, радикальная реформа привела интеллектуалов (таких, как Т. Заславская), направляющих политику Горбачева, к определению происходящего процесса как революции. Экономическая реформа была дополнена политической.

Однако отход от политико-экономической системы государственного социализма нельзя объяснить только экономическим спадом. Требуется нечто большее. Определенные ожидания были выработаны политическим руководством обществ государственного социализма. Например, Н. Хрущев предрекал упадок капитализма и неизбежность того, что социалистические общества превзойдут западные жизненные стандарты. Хотя последующие лидеры несколько смягчили эти публичные заявления, осуществление высоких общественных притязаний легло в основу легитимности правительства. Главным стимулом реформ стала общая неудовлетворенность масс уровнем жизни; во всех обществах государственного социализма она привела к тому, что экономической реформе придавалось особое значение в целях повышения производительности труда и производственных показателей, а также планов в рамках государственного социализма. Это недовольство само по себе было отражением не только падения темпов экономического роста, но и изменения уровня ожиданий населения, которое стало более требовательным. Низкий уровень жизни был причиной крушения надежд масс и стимулом для экономических реформ. Провал реформы в России привел к ухудшению экономических условий и дальнейшим политическим и идеологическим реформам.

Проблема лояльности, солидарности и обязательств

Недостатки в управлении ресурсами привели к кризису системы лояльности-солидарности. Иначе говоря значительные группы людей почувствовали, что вознаграждения (материальные и моральные) не соответствуют требуемым зат-

⁵ О взаимозависимости мотивационных обязательств и других подсистем см.: [Lane 1987 с. 231].

Падение государственного социализма

ратам энергии и обязательств. Эта несовместимость явилась следствием модернизации социальной структуры⁶.

Социологи обращали внимание на глубоко укорененные и долгосрочные изменения, которые происходили в социальной структуре государственного социализма. Под термином «социальная структура» мы понимаем совокупность позиций или статусов, условия, их формирующие, и сеть отношений между людьми и группами. Статусы обуславливают модели поведения, нормы и ожидания; они являются фокусами для чувства социальной и индивидуальной идентичности людей. Статусы включают профессиональную принадлежность и социальные группы, которые могут быть разделены по многим категориям, таким как пол и возраст, городской или сельский житель, этничность и религиозность, служащие и рабочие, профессионалы и колхозники.

Общества государственного социализма конца 1980-х годов значительно отличались от тех, в которых коммунисты пришли к власти. Главные особенности составляли рост населения, уровня урбанизации и качество образования. Значительно выросла часть городского населения с высшим образованием. Следствием индустриализации стал сдвиг в профессиональной структуре — от работ, основанных на начальном образовании, к занятости, предусматривающей наличие среднего и высшего образования. С этими изменениями связаны существенные различия между поколениями. Гораздо в большей степени, чем на людей старшего поколения, модернизация общества повлияла на молодежь. Психологически молодое поколение было более восприимчивым к идеям рынка.

Таблица 1 показывает долговременную модель роста городского населения в обществах государственного социализма. В 1950 г. только в ГДР и Чехословакии более половины населения проживало в городах. К 1987 г. средние показатели (исключая Вьетнам) превышали 60 %. К 1980-м годам СССР стал урбанизованным обществом, сопоставимым по многим параметрам с ведущими западными странами (в 1989 г. 66 % населения проживало в городах). Китай намного отставал от европейских государств. В 1964 г. городское население Китая составляло 13,6 %, а в 1990 г. — только 26 %. Сравнения показывают, что в середине 1970-х годов Северная Америка была урбанизована на 72 %, а уровень урбанизации на севере Европы составлял 83 %. Только в начале 1960-х годов СССР стал государством с преимущественно городским населением. Великобритания достигла такого уровня еще до середины XIX в. В течение последних 65 лет рост городского населения в СССР был поразительным: общая численность городского населения возросла приблизительно с 22 млн в 1922 г. до 100 млн в 1959 г. и до 186,8 млн в 1989 г.

В структуре занятости произошел сдвиг от аграрного сектора к индустриальному и к сфере обслуживания. В то же время наблюдался огромный спад численности традиционного крестьянства. Таблица 2 показывает, что к 1981 г. рабочие и служащие составляли более 80 % населения в большинстве восточно-европейских государств (только в Румынии их численность равнялась 68,9 %). Эти данные относятся к оплачиваемым работникам, включая рабочих и служащих аграрных хозяйств государственного сектора; остальные данные относятся

⁶ Более подробная информация представлена в: [Lane 1991, с. 95—114; The Social Consequences... 1974; Lewin 1988].

Таблица 1 **Рост городского населения в обществах государственного социализма, 1950—1989 гг.** (в % от общей численности населения)

	1950	1960	1970	1980	1987	1989
Болгария	27,5	38,0	53,0	62,5	66,2	67,6
Венгрия	37,8	41,7	49,9	56,8	59,2	62,0
Вьетнам	0	0	20,7	19,1	19,8	21,4
ГДР	70,9	72,2	73,8	76,6	76,8	76,6
Куба	0	0	60,5	68,4	72,3	73,5
Польша	36,9	48,3	52,3	58,7	60,9	61,6
Румыния	25,2	32,4	36,9	45,8	50,6	53,2
СССР	40,2	49,9	56,9	63,4	66,4	66,0
Чехословакия	51,5	57,4	62,3	72,6	75,7	—
Югославия	—	—	—	-	50,2	—
Китай	—	13,6	-	18,9	—	26,0

Источник: [Статистический ежегодник стран... 1988, с. 18.; Статистический ежегодник стран... 1990, с.59].

к колхозникам, а также к занятым в кустарном производстве и крестьянам, работающим на индивидуальных участках. Количество работников, отнесенных к категории «непроизводственная трудовая деятельность»⁷, является показателем занятых в экономике нефизическим трудом. Табл. 3 демонстрирует удвоение этих показателей в развивающихся восточно-европейских странах. Приведем один пример: в Польше в 1950 г. только 385000 человек были заняты в сферах науки, образования, культуры, здравоохранения, страхования и туризма; к 1987 г. их количество возросло до 2,001 млн. Для СССР соответствующие данные следующие: 6,265 млн и 23,812 млн [Статистический ежегодник стран... 1988, с. 418—419]. Все эти данные указывают на присутствие крупного профессионального среднего класса, известного в этих странах как интеллигенция. Такое развитие оказало серьезное влияние на систему политической поддержки, о чем я буду говорить далее.

В Китае имела место несколько иная картина. В табл. 4 мы видим, что около 3 млн человек были заняты в сельской местности как сельскохозяйственные рабочие. Сельские муниципальные предприятия также насчитывали больше служащих по сравнению с теми, кто был занят на городских фабриках государственного сектора.

В городах такие работники составляли более двух третей занятой рабочей силы в 1993 г. Эти данные показывают относительно небольшую занятость на предприятиях частной собственности. Экономическая и социальная структура Китая, являясь в основном сельскохозяйственной и деревенской, значительно отличалась от структуры, которая существовала в восточно-европейских государствах.

⁷ Определение «непроизводственная» относится к такой трудовой деятельности, которая не ведет к производству каких-либо материальных ценностей.

Падение государственного социализма

Таблица 2 Рост населения по социальным группам работников физического и нефизического труда в обществах государственного социализма (в % от общей численности населения)

	1950-1965	1977-1985
Болгария	43,9 (декабрь 1956)	94,2 (декабрь 1985)
Венгрия	72,8 (январь 1965)	80,5 (январь 1980)
ГДР	80,5 (декабрь 1964)	87,8 (декабрь 1981)
Куба	75,5 (январь 1955)	81,7 (сентябрь 1981)
Польша	52,5 (декабрь 1950)	77,6 (декабрь 1984)
Румыния	37,0 (февраль 1956)	68,9 (январь 1977)
СССР	68,3 (январь 1959)	85,1 (январь 1979)
Чехословакия	72,8 (март 1950)	88,6 (ноябрь 1980)

Источник: [Статистический ежегодник стран... 1988, с. 21—22].

Таблица 3 «Непроизводительная» занятость в обществах государственного социализма, 1950—1987 гг. (как процентное соотношение рабочей силы)

	1950	1960	1970	1980	1987
Болгария	5	9,2	13,1	16,9	18,2
Венгрия	16,4	14,3	15,2	19	21,1
Вьетнам	0	0	7,1	7,1	6,8
ГДР	14,4	15,3	18,8	19,4	20,7
Польша	8,6	11,6	14,4	16,4	19
Румыния	6,4	7,6	10,2	12,4	12,7
СССР	12,4	15,2	20,3	22,9	24,3
Чехословакия	10,6	13,6	17,8	20,1	21,4

Источник: [Статистический ежегодник стран... 1988, с. 409—413].

Рост уровня образования

С данными изменениями в профессиональной сфере связано повышение культурного уровня населения. Одним из параметров такого развития служит уровень образования. В 1926 г. советские власти провозгласили, что 51,1 % населения старше девяти лет является грамотными, а к 1939 г. эта численность достигла 81,2 %. Согласно переписи, к 1959 г. самая многочисленная группа населения имела лишь неполное среднее образование. Следовательно, при Хрущеве уровень образования и культуры населения был намного ниже, чем в развитых западных европейских государствах. Но на протяжении 30 лет, предшествующих перестройке, произошел впечатляющий рост уровня образования. Если в СССР в 1939 г. всего лишь 1,2 млн населения имело законченное высшее образование, то в 1959 г. это число составляло 8,3 млн, а в 1987 г. — около 21 млн. Количество

Таблица 4 Рабочая сила в Китае, по типу занятости в 1993 г.

	Количество (в млн)	%
Городские наемные работники:		
Государственные предприятия	109	68
Предприятия коллективной собственности	33,9	21,25
Предприятия совместной собственности	0,66	0,4
Предприятия акционерной собственности	1,64	1,0
Предприятия иностранной собственности	1,33	0,83
Другая форма собственности	0,18	0,11
Частные предприятия	1,86	1,16
Индивидуальная занятость	9,30	5,81
Всего*:	160	100
Сельская рабочая сила:		
Предприятия местной собственности	123	27,8
Частные предприятия	1,87	0,42
Индивидуальная занятость	20,1	4,5
Другие сельские работники	297	67
Всего*:	442	100
В целом городские и сельские работники:	602	

Источник: [Китай... 1994, с. 65].

* Общее количество не является суммой, соответствующей округленным категориям.

квалифицированных специалистов, занятых в промышленности, возросло с 8,8 млн в 1960 г. до 35,6 млн в 1987 г.⁸ Около 20 млн выпускников специальных профессиональных учебных заведений пополнили ряды рабочих между 1960 и 1986 гг. (ежегодный выпуск составлял 2,5 млн в конце 1980-х годов).

Эти данные являются обобщенными для СССР. Важно отметить, что такой значительный рост уровня образования, численности занятых нефизическим трудом и урбанизации был характерен для разных национальностей республик Советского Союза⁹. Правительство СССР оказывало поддержку культурному многообразию наций, составляющих СССР. За советский период возрос уровень национальной языковой компетентности¹⁰. В восточно-европейских странах также происходил рост численности людей с высшим образованием. Табл. 5 иллюстри-

⁸ Из них 15,5 млн имели высшее образование. См.: [Нархоз... 1988, с. 370].

⁹ Показатель профессионального (научного) персонала на 10000 человек среди представителей разных национальностей в 1989 г. составлял: русские — 71, армяне — 70, грузины — 67, эстонцы — 61, латыши — 51, литовцы — 44, украинцы — 39, белорусы — 38, азербайджанцы — 29, казахи — 23, таджики — 18, молдаване — 16, узбеки — 14, туркмены — 13, киргизы — 12. (У евреев этот показатель был 424.)

¹⁰ Подробную информацию по поводу национально-этнических уровней образования, профессиональной занятости и языка см.: [Lane 1992].

Падение государственного социализма

Таблица 5 Численность квалифицированных работников нефизического труда (специалистов с высшим и специальным средним образованием) в экономике обществ государственного социализма (в тыс.)

	1968-1970	1980-1983	1986-1988
Болгария	521	858	1013
Венгрия	430	868	нет данных
ГДР	717	1412	нет данных
Куба	нет данных	309	640
Польша	1781	3365	3772
СССР	16841	28612	35693
Чехословакия	1356	2177	нет данных

Источник: [Статистический ежегодник стран... 1988, с. 422].

рует рост квалифицированных работников нефизического труда, занятых в экономике. За период начала 1970-х — середины 1980-х годов их численность удвоилась: в Польше с 1,781 млн в 1970 г. до 3,772 в 1987 г.; в Чехословакии — с 1,356 млн до 2,177 млн. Для сравнения: в Китае в 1982 г. только 1 % населения имел высшее образование, и 21,8 % — среднее образование [Pei 1994, с. 59].

Произошел качественный рост уровня массовой коммуникации, что прямо или косвенно повлияло на восприятие людьми жизни на Западе, ставшей идеалом для многих из них. Получило развитие телевидение. Западные программы стали транслироваться в Германской Демократической Республике, Чехословакии, Венгрии и в Прибалтике. Люди получили доступ к западным фильмам благодаря видеомагнитофонам. Возрастали ожидания населения: ментальность потребителя становилась более зрелой, так же как и «обуржуазивание» устремлений¹¹.

В 1980-х годах интеллигенция была слоем, восприимчивым к альтернативной концепции социализма (что в реальности охватывало многие практики современного капитализма), к такому видению будущего, которое отличалось от того, которое разделяли их родители. Согласно заключению Миллара (Millar), сделанному на основе исследования советской эмиграции в Соединенных Штатах, — «очевидна долговременная тенденция в сторону приватизации, что проявляется не только в бегстве от усилий мобилизации, ...но также и в экономической сфере. Исследование подтверждает широкое распространение как нелегальной, так и частной экономической деятельности» [Millar 1993, с. 187]. Такое восприятие базировалось на рыночных отношениях, на основе которых эти страты могли приобрести капитал (или считали, что могут приобрести) благодаря своим умениям. В этом состоял механизм реализации интеллектуального капитала в денежном выражении. Принцип «от каждого по способностям, каждому по

¹¹ Так, исследования в среде эмигрантов показали устойчивую закономерность изменения характера поддержки: в 1980-х годах молодежь относилась значительно критичнее к социализму, чем в первые послевоенные годы, когда молодые люди были среди тех, кто активно поддерживал социализм; см.: [Berliner 1993, с. 177—182].

труду» не соблюдался. Провал триады «лояльность-солидарность-обязательство» привел к моральному разложению.

Полевые исследования, проведенные в 1991 г., подтвердили, что среди интеллигенции в посткоммунистических странах преобладало негативное отношение к социалистическим принципам и позитивное отношение к капиталистическим. (Следовательно, существовала оппозиция доходам, определяемым потребностями, а не заслугами, государственному обеспечению занятости, равенству в распределении доходов и ограничениям на заработанные доходы). Одно из исследований показывает «постоянное падение поддержки социалистических принципов со стороны тех, кто имеет низкий уровень образования, к тем, кто имеет более высокий уровень образования. Среди всех восточно-европейских государств корреляция между индексом поддержки социализма и уровнем образования составляет $-0,33$ . ... неэгалитарные реформы поддерживаются более образованным меньшинством в тех обществах, которые, как это происходит, также могут получить многое от этих реформ»¹².

Такие изменения в лояльности и солидарности населения свидетельствуют о возрастающем уровне неудовлетворенности, особенно среди растущих классов профессионалов. Мы не утверждаем здесь, что эти демографические изменения непосредственно обусловили вызов системе государственного социализма; скорее всего, они создали предпосылки для изменений системы.

Политическая поддержка и доминирование

Появление крупной страты городского населения, занятого нефизическим трудом, сказалось на структуре политической поддержки. Представителями этой страты выдвигались требования, на которые должны были реагировать политические лидеры. Так, нереализованные ожидания групп интеллектуалов — профессионалов с высшим или средним специальным образованием привели к признанию «дефицитов» и «недостатков» в политике. Политика *гласности* стала официальным признанием выдвигаемых индивидуальных и групповых требований. Реформы получали поддержку от классов профессионалов, испытывавших разочарование в том статусе, который они имели при административно-командном социализме. В свою очередь, реформаторское руководство оказывало им поддержку.

Несомненно, «результаты» государственного социализма благоприятствовали рабочему классу. После того как власть перешла в руки коммунистов, различия в заработной плате представителей разных социальных групп значительно снизились. В наибольшем выигрыше были рабочие, а квалифицированные работники умственного труда («интеллигенция») лишились своего привилегированного положения. На основе обстоятельного исследования Ж.Ч. Асселайн (*Asselain*) приходит к заключению, что в Польше, Чехословакии и Венгрии произошло «действительное ухудшение уровня жизни интеллектуалов по сравне-

¹² Мэйсон (Mason) отмечает, что во многих из этих стран новые правительства находятся под влиянием хорошо образованных людей, поскольку в результате революции интеллектуалы, ранее противостоявшие коммунистической системе, получили властные полномочия [Mason 1995, с. 393—395].

Падение государственного социализма

нию с довоенным периодом»¹³. Тем не менее представители политико-административного класса получали несоразмерную часть дохода в неденежном исчислении (проживание, путешествия, здравоохранение). Однако нет сомнений в том, что благосостояние классов профессионалов было относительно более затруднительным, и они это осознавали.

К 1980-м годам произошло значительное увеличение численности городского населения, занятого нефизическим трудом, что изменило социальную основу внутренней политики. И если при Сталине режим опирался на крестьянскую ментальность, то при Хрущеве и позднее Брежневе в роли опоры режиму выступает неквалифицированный рабочий класс. С приходом Горбачева опытные и квалифицированные работники нефизического труда составили восходящую (*ascendant*) группу, выступая социальной базой для радикальных реформ. В восточно-европейских странах интеллигенция унаследовала буржуазные традиции до-коммунистических режимов. В Советском Союзе созревание советской политической культуры привело к появлению значительного числа индивидов и групп с позитивной концепцией относительно своих собственных интересов. Произошло образование критической массы, которая или принимала независимую оценку идеологии, легитимирующей власть и политический класс, или отделялась и отчуждалась от нее. Во всех этих обществах реальная политическая устойчивость режима переместилась от крестьянства и рабочего класса к интеллигенции.

Система политической поддержки традиционного политического руководства не соответствовала меняющейся демографической структуре страны. В период 1956—1961 гг. (при Хрущеве) рабочие составляли 41,1 % новых членов Коммунистической партии. В поздний брежневский период (1981—1985 гг.) их доля возросла до 59,4 % [КПСС в цифрах... 1986, с. 8]. В результате членство представителей рабочего класса составляло 43,4 % от всего количества членов партии в 1981 г. и 45,4 % в 1989 г. Тем не менее, рабочие и колхозники все больше отстранялись от властных позиций в партии, а состав политического руководства пополнялся представителями нефизического труда и профессиональных социальных групп. К примеру, в СССР из общей численности членов партии в 1971 г. 2,81 млн (19,6 %) имели высшее образование, и эта цифра возросла до 6,8 млн (31,8 %) в 1986 г. Одновременно среди высших партийных кадров (члены и кандидаты в центральные комитеты и ревизионные комиссии партии на государственном (республиканском) уровне и на уровнях обкомов и краев) 69,4 % имели высшее образование. Даже на городском, окружном или районном уровне высшее образование имели 56,7 % кадров. Эти данные указывают на приток интеллигенции в высшие эшелоны власти.

Другое измерение, которое отражает изменения в политической основе нового руководства, — это изменения в социальном происхождении членов Верховного Совета СССР. В 1979 г. рабочие составляли 34,8 % членов Верховного

¹³ Если принять среднюю заработную плату рабочего за единицу, то в Польше средняя заработная плата управленцев и служащих уменьшилась с 2,5 в 1938 г. до 1,2 в 1949 г.; в Венгрии разница в оплате труда инженеров и технических работников сократилась с 3 до 1,99, а административного персонала с 2,4 до 1,41 [Asselain 1987, с. 26]. В Польше за период 1931—1932—1969 гг. уровень потребления мяса в семьях управленцев и служащих снизился с 47,5 кг (на душу населения в год) до 44,9 кг, а в семьях рабочих вырос с 33,8 кг до 49,5 кг [Там же, с. 30].

Совета СССР [Вестник статистики... 1983, с. 61]. Этот показатель незначительно возрос до 35,2 % членов Верховного Совета, избранных до прихода к власти реформаторского руководства. После того как Горбачев пришел к власти, произошло стремительное падение представительства рабочего класса в рядах партии. Доля рабочих среди депутатов Съезда народных депутатов по выборам 1989 г. составила 18,6 %. Количество мест, которые получили колхозники, насчитывало только 11,2 % (по сравнению с прежним количеством — 16,1 %). Численность женщин значительно уменьшилась — с 32,8 до 17,1 %. Количество депутатов из класса профессионалов с высшим образованием выросло с 7,8 до 15,7 %. Данные свидетельствуют о смещении в руководстве в сторону профессиональных страт, занятых умственным трудом. Это говорит о развитии двойственной классовой структуры, в которой у «интеллектуалов» и профессионалов было больше шансов получить выгоду от системы рыночного типа. Они обладали конкурентоспособными навыками и не зависели от системы номенклатуры.

В Восточной Европе важным показателем поддержки традиционных коммунистических элит со стороны рабочего класса стал приток рабочих в партию и представительские институты после политических кризисов. В Венгрии после 1956 г. «набор активных рабочих в партию значительно возрос... наряду с весомым продвижением бывших рабочих на административные партийные посты. В Чехословакии после событий 1968—1969 гг. рабочие составили 63 % от новых членов, допущенных в Коммунистическую партию между 1971 и 1976 гг.» [Cappelli 1990, с. 2.]. В 1971 г. в Польше Э. Герек пообещал ускорить «процесс интеграции рабочего класса в управление государством» [Там же, с. 3]. Другим ярким примером является Венгрия, где в 1989 г. съезд Венгерской социалистической рабочей партии переименовал ее в Социалистическую партию Венгрии. Состав партии, который в 1985 г. включал 40 % рабочих и 20 % крестьян, был изменен и к 1989 г. 90 % членов партии составили «интеллектуаль» [Там же, с. 4]. Новый класс, «приобретающий класс» (*«acquisition class»*), устанавливал свою гегемонию над политическим классом.

Не вызывает сомнения то, что центр политической опоры реформаторского руководства Горбачева перешел от рабочего класса, традиционной партии и государственной бюрократии к альянсу с силами, более открытыми для технологических изменений и модернизации, и интеллигенции. Это угрожало традиционному альянсу между партийными функционерами, правительственными управленцами и их сторонниками среди рабочего класса. Обусловленный реформами рост рыночных сил ослаблял традиционные политические элиты и их воспроизводство. По мере продвижения сверху к рынку и демократии издержки сопротивления существующей системе для интеллигенции снизились, а привлекательность альтернативной системы возрасла¹⁴. В то же время менялось положение людей, занимающих противоречивые классовые позиции: их авторитет падал благодаря политическому лидерству политического класса и они задумывались о том, не будет ли рынок лучше отвечать их интересам. Рынок мог предоставить большие возможности: прежние представители политического класса могли оказаться в положении, предоставляющем им не только выгоду от их

¹⁴ О потере поддержки интеллектуалами падения коммунистической системы см.: [Schopflin 1993, с. 227-230].

Падение государственного социализма

интеллектуального капитала, но потенциально и от приобретения материального имущества в результате приватизации государственной собственности.

Здесь мы выделяем классовые интересы, которые привели к разделению общества государственного социализма и сыграли решающую роль в политических переменах. Эти группы сформировали часть «контркультуры», к которой обращаются такие авторы, как Голдфарб (*Goldfarb*), а также охарактеризованные Манделем (*Mandel*) как формирующаяся «буржуазная» страта в терминах моделей потребления. Во времена государственного социализма они представляли собой латентный классовый интерес, удерживаемый «на своем месте» политическим классом, который контролировал государственный и партийный аппарат.

Классовая динамика при государственном социализме

Классовый анализ социалистических революций обычно проводится в рамках марксистской теории. Маркс дал определение классу в терминах владения собственностью и извлечения прибавочной стоимости через меновую стоимость. «Историческая задача социалистической революции состоит в устранении формы эксплуатации посредством отчуждения имущества» (См.: [Roemer 1982б с. 238]. Ни частная собственность, ни производство меновой стоимости не существовали при государственном социализме. Дж. Роемер (*Roemer*) отмечает, что именно владение «материальным имуществом» определяет капиталистическую эксплуатацию. Он предполагает, что из-за отмены частной собственности на имущество эксплуатация таких активов не была характерна для государственного социализма [Там же]. Теоретики «государственного капитализма» вынуждены были объединить представление о классе в смысле частной собственности с контролем над средствами производства. Отсюда характеристикой государственного социализма можно считать не только то, что капиталистический класс не существовал, но и то, что сама возможность его формирования была предотвращена. Эксплуатация, возникшая при государственном социализме, имела более широкое значение, чем это определялось Марксом; этот смысл может быть включен в веберовскую концепцию господства. В обществе господствовали скорее бюрократические «контролеры», а не извлечение прибавочной стоимости в целях дальнейшего накопления капитала. Такие люди могут стремиться к преобразованию своей политической власти в деньги. Но это не является прибавочной стоимостью в марксистском значении. Я бы согласился с такими авторами, как Гидденс (*Giddens*) [Giddens 1973, с. 294], Фегер (*Feher*), Геллер (*Heller*) и Маркус (*Markus*) [Feher, Heller, Markus 1983, с. 18, 19, 31] в том, что отношения господства шире, чем классовые отношения. Во избежание неправильного толкования марксистской концепции «эксплуатации» в интерпретации классовой структуры государственного социализма я выдвигаю предположение о том, что существовали две основные и конкурирующие формы классовой стратификации, которые пронизывали всю социальную структуру. Это политический класс, определяемый политическим положением, и приобретающий класс (*Erwerbsklasse*), обусловленный положением на рынке. И здесь я использую понятие «класс» в

веберовском смысле рыночных отношений, которые определяют жизненные шансы личности.

При государственном социализме существовало два параллельных и противоположных организационных принципа: административный контроль и рынок. Основными критериями классовой стратификации выступали контроль (политический класс) и конкурентоспособность (приобретающий класс). В бюрократических системах государственного социализма политическая позиция и экономическая позиция определялись административно. Это описано Э.О. Райтом (*Wright*): «Эксплуатация основывается на бюрократической власти: контроль над организационными активами определяет материальную основу классовых отношений и эксплуатации»¹⁵. Я могу предположить, что эта новая социальная формация имеет характер современной формы политического господства¹⁶.

Это отношение было замечено такими авторами, как Р. Баро (*Bahro*), который ссылается на «политбюрократическую диктатуру»¹⁷. Механизм эксплуатации состоит в «плановом присвоении и распределении прибыли на основе иерархии». Существовала иерархия постов, которые были связаны с контролем над средствами производства, распределением и обменом: это давало право контроля над собственностью. Номенклатура включала не только элитные позиции, но и позиции власти более низких уровней. Должности в партийной или профсоюзной иерархии и исполнительные должности в правительственных институтах также зависели от номенклатуры. Отсюда возможна вертикальная связь представителей номенклатуры с движением между номенклатурными постами. Это была классовая система, структурированная по вертикали, очень похожая на капитализм, где капиталисты представлены как относительно мелкими предпринимателями, так и состоятельными акционерами и генеральными директорами. Эти должности были не только формами занятости: они включали политические позиции, связанные с производственным процессом (*председатель профсоюза*) или с политической организацией (*комсомольский секретарь*). Продвижение по подобным позициям определяло карьеру человека внутри политического класса. Тем не менее многие занимали символические и номинальные должности в партийной структуре, являясь при этом представителями

¹⁵ Здесь используется экономическая концепция управления как фактора производства и дает определение эксплуатации, отличное от марксистского определения. В марксистском понимании эксплуатация — это процесс, при котором прибавочный продукт используется для накопления. Необходимость извлечения прибавочного труда и его применение для накопления выступает движущей силой капитализма и не только определяет границы капиталистического класса, но и объясняет капиталистическую форму антагонизма между правящим классом и пролетариатом и тенденцию поглощения всех слоев населения тем или иным классом, что приводит к революционной трансформации в социализм [*Wright* 1984, с. 393].

¹⁶ Фюреди (*Furedi*) утверждает, что концепции, развитые в «Капитале», не подходят для анализа советского общества: [*Furedi* 1986, с. 83].

¹⁷ Тем не менее он (как и Баро) выделяет высших представителей таких групп и не рассматривает вертикальную стратификацию бюрократического класса. В сферу их рассмотрения не входит определяющая позиция людей в двусмысленных классовых позициях. З. Бауман, например, категорически отрицает, что бюрократизм и класс «не совпадают» [*Bahro* 1978]. Описание политического класса также дает З. Бауман [*Bauman* 1974, с. 143].

Падение государственного социализма

классов профессионалов (например, работники академий, средств массовой информации и военные в центральном комитете партии).

Восходящий класс

С рынком также связана системная форма классово-стратификации. Она является подобной стратификации в западном капитализме, хотя имеются и существенные отличия. Служащие были вынуждены продавать свой труд государственным предприятиям или институтам: государство обладало монополией на трудоустройство и в значительной мере оказывало влияние на размеры заработной платы и условия труда. Стимулирование производительности труда осуществлялось через денежное поощрение. Это обусловило возникновение рынка труда и товаров. Люди участвовали в конкуренции за рабочие места, которые отличались условиями и неравным распределением дохода. Характерной особенностью государственного социализма оставался обмен труда на деньги. А денежный доход, получаемый от труда, играл важную роль в формировании жизненных шансов. Роемер (*Roemer*) дает теоретическое обоснование этой форме неравенства в веберовских терминах. Он отмечает, что благодаря такой форме неравенства класс овладевает «активом навыков», что приводит к структурному неравенству¹⁸. Интеллигенция, определяемая уровнем образования, обусловила появление того, что я называю приобретающим классом.

Тем не менее структура государственного социализма (контроль, осуществляемый политическим классом) не давала возможности интеллигенции использовать эту позицию. Функционирование рынка труда и обмен товаров строго ограничивались политическим классом, а рынка собственности не существовало. Административные привилегии (которые имели и некоторые слои приобретающего класса) предполагали доступ к товарам и услугам. Это свидетельствует о том, что классовая система имела ответвления в системе распределения. Существование этого квазирынка определенным образом объясняет пути, по которым детальные эмпирические сравнения между социалистическими и капиталистическими странами указывали на частичные формы конвергенции.

Политический (или бюрократический) класс контролирует распределение административных статусов, в то время как приобретающий класс отличается владением интеллектуальными активами. Бюрократическая позиция и умения/знания являлись двумя конкурирующими принципами классово-лояльности при государственном социализме. Интеллигенция (работники с высшим образованием, или «профессионалы») обладает лучшими «рыночными» шансами по сравнению с «бюрократами» (теми, чьи позиции зависели от номенклатуры), которые поддерживают государственное перераспределение. Класс бюрократов состоял не просто из людей, «извлекающих прибыль», но, скорее, из людей, имеющих обязательства перед системой государственной собственности и

¹⁸ Такая эксплуатация не является нелегитимной: «она социально необходима, поскольку способствует повышению благосостояния». Различия в заработной плате (или уровнях потребления) служат стимулом и вознаграждением за использование определенных навыков: устранение такого неравенства привело бы к задержке развития: [*Roemer* 1982, с. 148, 240-242].

контроля при режиме государственного социализма. В политическом смысле они скорее стремились «улучшить» административно-командную систему, чем заменить ее¹⁹. Тем не менее многие из этой административной прослойки потенциально могли бы получать выгоду от рыночной системы. Это определяет их противоречивую классовую позицию²⁰. На протяжении завершающего периода СССР позиции политического класса были подорваны реформаторским руководством Горбачева.

Однако в его сердцевине находились ключевые секторы правительственной бюрократии СССР — военно-промышленный комплекс и министерства, контролировавшие средства производства. Их относительная автономия бросала вызов проникновению партийного руководства Горбачева и противостояла рыночным реформам²¹. Важно отметить, что «интеллигенция», или профессионально-административная прослойка, не была целостным классом, а включала в себя слои, различающиеся по степени идентичности и приверженности политическому классу. В зависимости от степени вероятности политического успеха они одобряли ту или иную систему власти. При Горбачеве собственные кадры партии были среди тех, кто первым сменил свою преданность политическому классу на преданность приобретающему классу.

Таким образом, при государственном социализме существовало две системы с противоположными классами: планово-административная система, контролируемая политическим классом, и квазирыночная система с зарождающимся классом, который был связан с владением интеллектуальными активами. Мы можем определить классовые границы, основываясь на этих двух критериях стратификации (контроль и рыночная конкурентоспособность умений). За реформами скрывались интересы этих двух конкурирующих классов: государственной бюрократии и групп профессионалов преимущественно среднего класса, чьи жизненные шансы были связаны с конкурентоспособностью их интеллектуального капитала.

¹⁹ О настроениях политической элиты см.: [Lane 1996].

²⁰ Г. Конрад (*Konrad*) и И. Зелени (*Szelenyi*) включают интеллигенцию в бюрократический класс. По их мнению, система государственного социализма олицетворяла правление интеллигенции: «трансформация интеллигенции в класс, главным образом в экономических системах рационального перераспределения, действительно означает, что в промышленно отсталых аграрных обществах Восточной Европы интеллигенция, организованная в правительство — бюрократический правящий класс, возглавила процесс модернизации, сменив слабую буржуазию, неспособную покончить с феодализмом» (См.: [Konrad, Szelenyi 1979, с. 10]). Однако эта позиция игнорирует конфликт между этими двумя классовыми группами. Кроме того, как и теория государственного капитализма, она не объясняет, почему необходим переход к капитализму и приватизации имущества. В исследовании, проведенном Райтом (Wright), интеллигенция занимает противоречивую классовую позицию, а «специалисты» и «государственные бюрократы» рассматриваются как разные группы, соперничающие за власть. (См.: [Wright 1984, с. 402, 422, 446]).

²¹ Более детальное описание разногласий в рядах правительственной бюрократии и их сопротивления реформам. (См.: [Lane, Ross 1994].)

Падение государственного социализма

Классовая идентификация

Чтобы проиллюстрировать эту форму классовой идентификации, я приведу следующие четыре примера. Первый: поддержка рыночных реформ и их ценностей, а также оппозиция по отношению к социалистическим нормам ассоциировалась с интеллигенцией. Опрос советских эмигрантов, прибывших в США в 1970-х годах, показывает:

«недвусмысленное негативное соотношение между уровнем образования и уровнем поддержки различных экономических и политических институтов советской системы. Уровень поддержки государственного контроля и управления важнейшими секторами системы падает с повышением уровня образования, и это справедливо даже для начального и общего среднего образования. Такая же модель проявляется при ответах на вопросы, в которых сопоставляются индивидуальные права и власть государства, такие, как обеспечение гражданских свобод. По мере возрастания уровня образования показатели поддержки государственной власти по отношению к поддержке индивидуальных прав снижаются. Наиболее вероятно, что та же группа «самых лучших и самых умных» проявляла «необычное» поведение — люди отказывались от голосования, слушали БиБиСи и другие зарубежные программы, читали и распространяли самиздат, читали иностранную художественную и документальную литературу и принимали участие в других видах несанкционированной деятельности» [Millar 1993, с. 186, 187].

Второй пример: Лэйн (*Lane*) и Росс (*Ross*) изучили голосование политической элиты парламента СССР в период 1989—1991 гг. Среди тех, кто голосовал за радикальные реформы, практически половина были профессионалами. Среди верных сторонников Горбачева, которые тогда противостояли радикальной реформе, было «большое количество директоров производственных объединений и предприятий, членов аппарата КПСС и комсомола». С другой стороны, «только один директор [предприятия] [был] в оппозиции; членов партийного аппарата вообще не было, и только один представитель аппарата комсомола [голосовал за радикальную оппозицию]». Поддержка Ельцина среди элиты Верховного Совета (СССР) исходила в основном от «представителей либеральной, интеллигенции» [Lane, Ross 1994, с. 452, 453—454; Lane, Ross 1995]. В целом в стране именно этот класс оказал сознательную политическую поддержку рыночным реформам Ельцина.

Третий пример: Т.Ф. Ремингтон (*Remington*) обнаружил «широко цитируемые различия» в советском обществе между «партийными и непартийными», между политическим классом номенклатуры и другими [Remington 1993, с. 278]. В 1990 г., в течение последнего периода СССР, как он отмечает, «единственным преобладающим желанием избирателей ...было голосовать против кандидатов, которые считались представителями "бюрократии", а голосовать за тех, кто находился в оппозиции к ней» [Там же]. Номенклатура «занимает определенное и явно негативное место в народном сознании». Исследование Демократического движения²² в Москве периода 1989—1991 гг., проведенное М. Гарселоном

²² Политическое движение за радикальные реформы и переход к рынку и враждебно настроенное к Коммунистической партии.

(Garcelon), свидетельствует, что интеллигенция была в подавляющем большинстве: только 7 % выборки составляли индустриальные рабочие; число предпринимателей приближалось к 4 %, на работников сферы обслуживания приходилось 8 %; а «специалисты» (профессионалы с высшим образованием) составляли 80 % [Garcelon 1995, с. 13]. Гарселон указывает на два течения в движении к рынку и демократии: со стороны академических кругов и со стороны реформаторов внутри Коммунистической партии. Вторая группа занимала противоречивую классовую позицию и включала в себя преподавателей и редакторов, работающих в собственных институтах партии. Благодаря перестройке они попали в приобретающий класс.

И, наконец, интервью с членами политической и экономической элиты времен Горбачева сообщают о том, что в подрыве государственного социализма Горбачев полагался на интеллигенцию: «Горбачев интенсивно использовал интеллигенцию в период своего правления (1986—1989), который может быть назван этапом разрушения идеологических табу. Это была единственная группа, на которую он мог надеяться. ...В своей профессиональной оценке ученые общественных наук отдавали предпочтение ориентированным на рынок формам организации и выступали против классической советской модели» [Ellman, Kontorovich 1992, с. 26]. Отречение от норм и ценностей СССР не только ослабило поборников старого порядка, но также подтолкнуло их в сторону приобретающего класса. Мною было проведено исследование мнений влиятельных людей по поводу реформ, на основании которого я пришел к выводу, что интеллигенция занимала самую высокую позицию среди социальных групп и сил, оказывающих влияние на процесс реформ [Lane 1994, с. 113].

Противоречивая классовая позиция управленцев и представителей исполнительной власти была главным фактором, который препятствовал движению к рынку: до тех пор, пока оплот политического класса оставался объединенным и решительно настроенным на сохранение административной системы, потенциально он имел больше шансов проиграть, чем приобрести, поддерживая разрушение системы. Руководство Горбачева приняло решительную позицию изменить эти отношения, провозгласив, что приобретающий класс потенциально может получить больше, чем потерять.

Среди трудностей восходящего класса были отсутствие у него политической власти и слабая организация. Политический класс обладал прочной экономической и политической властью, что особо подчеркивается в «тоталитарной» концепции государственного социализма. Как мы уже отмечали ранее, непоколебимость политического класса различалась в обществах государственного социализма и зависела от того, каким способом изначально была достигнута власть. В то время как в Восточной Европе латентная оппозиция включала людей, которые на собственном опыте испытали капитализм и образ капитализма был намного яснее, в СССР и Китае дело обстояло не так. В этих обществах целые поколения не были знакомы с данным феноменом, или же в этих странах эндогенный капитализм не получил значительного развития. Откуда тогда может появиться источник развития капиталистической рыночной системы и демократии плюралистического парламентского типа? Существовало два основных источника: первый — руководство Горбачева (разделение внутри политического класса); второй — экзогенные силы. Представители приобретающего класса, в частности в странах Восточной Европы, предложили третий источник.

Падение государственного социализма

Система легитимации

Идеология определяет, что является этическим и желательным; она обеспечивает основу социальной солидарности, на которой может базироваться политическая легитимность. Как метко сформулировал Руссо, «сильнейший никогда не будет достаточно сильным, чтобы быть всегда хозяином, если он не преобразовывает силу в право, а послушание в долг» [Руссо 1998]. Легитимность имеет место тогда, когда политические элиты и значительная часть народа разделяют ценности и институты системы, даже если многие могут этого и не делать (во всех современных политических системах есть оппозиционные группы, часто довольно многочисленные) (См.: [Heller 1982, с. 45—63].) Решающим для легитимности социальной системы является тот предел, до которого элиты остаются уверенными в том, что они могут пользоваться властью и поддерживать мифы, хранящиеся в их идеологическом уставе. Когда такие представления рушатся, то необходима критическая масса несогласия для того, чтобы возник кризис легитимности, выражающий альтернативную идеологию для возникновения новой солидарности.

В странах Восточной Европы несостоятельность системы управления экономическими ресурсами в сочетании со слабостью политической поддержки привела к недовольству масс. Когда система централизованного управления была запятнана верхушкой под руководством Горбачева, недовольство привело к кризису легитимности. Изначально этого не было в Советском Союзе, где марксизм-ленинизм был официальной идеологией, на которой держался политический строй со времен Ленина до Черненко. Хотя при Хрущеве идеология стала не такой влиятельной, до перестройки она все же не была дискредитирована. Политика гласности в эпоху Горбачева стала каналом выражения недовольства и стимулировала формирование контридеологии. Превосходство государственной собственности и централизованного планирования, а также идея мировой победы коммунизма — все это либо отвергалось руководством реформаторских стран марксизма-ленинизма, либо эти настроения спокойно исчезали из основополагающих утверждений. Пришло время разрушения легитимной идеологии.

Более того, несостоятельность экономической политики и политического курса, предпринятого в СССР при Горбачеве, имела последствия, затронувшие политические структуры командной системы, а затем политическую легитимность и совокупную политическую поддержку. Экономическая реформа, вызвавшая рост рынков, подорвала руководящую роль партии и системы командного планирования. СССР и другие восточно-европейские страны перешли от слияния политики и экономики к более плюралистической структуре. Этот процесс начался до перестройки и был определен в западной политической науке как нечто, похожее на «социальный плюрализм». Эти изменения, однако, сдерживались политическим классом. Марксизм-ленинизм стал препятствием для реформаторского руководства в его поиске не только нового внутреннего порядка, но и другого места в мировом сообществе. Ослабление идеологии продолжалось довольно долго и значительно возросло во время перестройки.

Политическое руководство Горбачева сломало марксистско-ленинскую идеологию самым неожиданным образом. Идеологические разногласия среди политического руководства приобрели более радикальный характер: некоторые

члены аппарата, которые сначала группировались вокруг Горбачева, утратили доверие к партийным и коммунистическим институтам власти и перешли к публичной дискредитации легитимности марксистско-ленинской идеологии. Значительная часть политической элиты верила, что институты советской власти необходимо полностью заменить. Член партийного политбюро и специальный советник Горбачева А. Яковлев писал в октябре 1991 г.:

«В конце концов, марксизм привел нас к пропасти, отсталости и разрушению нашей совести... Каждый человек на планете знает, что марксизм — это учение об уничтожении частной собственности на средства производства и материальных, правовых и духовных основ западной цивилизации... Всю свою жизнь Маркс оставался верным "Коммунистическому манифесту", этому руководству для пролетариев по уничтожению всего того, что до сих пор охраняло частную собственность...» [Яковлев 1991].

На XIX партийной конференции в 1988 г. министр здравоохранения СССР осудил национальную систему здравоохранения, указывая на то, что по уровню детской смертности СССР занимает второе место после Барбадоса, а по среднему показателю продолжительности жизни — 32-е место в мире. Он отмечал, что в Узбекистане «миллиарды рублей» были растрачены, а 46 % больниц находятся в зданиях, которые не соответствуют минимальным требованиям санитарной гигиены. Вопрос здесь не в том, отражают ли эти утверждения истинное положение дел, а в том, что такие утверждения никогда не делались правящей элитой (даже, или особенно, если это правда), потому что они морально дискредитируют правящее руководство. (Прежняя «самокритика» была направлена на негативные явления, которые шли вразрез с коммунистической системой, а не на те недостатки, которые, как в данном случае, ею же и производились.)

Разрыв с марксистско-ленинской идеологией был следствием сознательно-го решения покончить с прошлым и двигаться к новому обществу рыночного типа. Это было явным сигналом для тех, кто находился в противоречивой классовой позиции, «запрыгнуть в лодку» и присоединиться к экономическому классу.

Средства массовой коммуникации, легитимированные политикой гласности, продолжали развенчивать миф о режиме. Это может быть проиллюстрировано воспоминаниями Лигачева (члена Политбюро и критика Горбачева):

«[Гласность] создала мрачную атмосферу в стране. Это влияет на эмоции людей, их настроение, трудоспособность, когда с утра до ночи на них сваливается все негативное из прошлого. Наши собственные деятели культуры напечатали больше лжи и антисоветчины, чем наши враги на Западе за последние 70 лет... Лавина обрушивается на нашу партию. Так много достойных коммунистов, лидеров, выдающихся представителей науки, культуры и литературы были оклеветаны за последнее время... под флагом демократии и гласности уничтожаются идеологические и моральные основы общества. Разрушительная работа оппозиционных сил подобна вражеским силам извне. Они поставили себе целью развалить СССР после Восточной Европы, разрушить общественную трансформацию в соответствии с научным социализмом и повернуть страну на путь капиталистического развития. Что касается средств массовой информации, то наряду с их большой созидательной работой некоторые издания, телевизионные студии и радиопрограммы открыто растаптывают наше прошлое и настоящее, создавая напряжение в обществе» (Приводится в: [Pei 1994, с. 67; Ligachev 1993]).

Падение государственного социализма

Крах марксизма-ленинизма повлек за собой ослабление режима в такой степени, которую не могли предвидеть горбачевские реформаторы. Даже тем, кто обладал лишь поверхностными знаниями марксизма, казалось непостижимым то, что Горбачев и его советники, стараясь сохранить гегемонию партии, не принимали во внимание классовые интересы (о них шла речь выше), которые могли быть усилены рынком. Были неправильно оценены пути поддержания социальной солидарности. Не удалось предвидеть дестабилизирующие последствия гласности и плюрализма, которые сопровождались качественной переменой участия. Старый лозунг «единство партии и народа» был заменен плюрализмом интересов, которому в переходный период 1989—1990 гг. не доставало консенсуса и форм солидарности. Изменениям, к которым стремилось политическое руководство Горбачева, требовалось новое идеологическое обрамление для легитимации реформистского социализма, а оно пока отсутствовало.

Когда движение радикальных реформ (критиковавшее намерения Горбачева обновить государственный социализм и особенно гегемонию компартии) набирало темп, оно было обращено на Восточную Европу и создавало свою собственную контр-культуру. В восточно-европейских странах кризис легитимности привел к революционным требованиям. У них была альтернатива: по словам Хеллер (*Heller*), «подавляющее большинство населения [имело] образ альтернативного порядка, а именно порядка западноевропейских или североамериканских либеральных правовых государств» [*Heller* 1982, с. 46]. Традиционный политический «консерватизм» этих стран воплотился в авторитарную политическую культуру крестьянского типа, которая была разрушена коммунизмом. Таким образом, консервативная идеология не могла легитимировать переход к демократии и рынку (См.: [*Schopflin* 1994, с. 187—204]).

Национализм, религия и ценности капитализма постепенно заполняли вакуум в мышлении на территории СССР и в некоторых восточно-европейских государствах. Национализм и религия устанавливали свою собственную форму легитимации контрэлита. Как идеологии, они обеспечивали легитимацию оппозиции по отношению к советской власти и коммунизму. Это был идеологический проводник, зависящий от приобретающего класса. Как выразился Бессинджер (*Beissinger*), «в случае с СССР группы, которые были наиболее экономически развиты, на самом деле боролись за распад СССР, в то время как наименее развитые группы практически не поддерживали свою собственную независимость» [*Beissinger* 1993, с. 99; *Beissinger* 1990, с. 305—322].

За период 1988—1989 гг. быстрыми темпами происходила политизация народов на национальной основе. Идея перерастала в дело, дело стало движением. По словам Валтцера (*Waltzer*), «национальность — это идея, национализм — программа. Программа создается в трудностях; она нацелена на мобилизацию народа на преодоление некоторого недостатка в повседневной жизни» [*Walter* 1988, с. 88]. Там, где у людей не было национальности, ее тут же создавали.

Снова проведем сравнение с положением в Китае. Политическое руководство не отвергло легитимирующую идеологию учения марксизма-ленинизма-маоизма. Экономические рыночные реформы проходили без политических реформ. Означало ли это, что и в частной рыночной экономике может сохраниться гегемония коммунистической партии? Можно утверждать, что многие страны в Юго-Восточной Азии (например, Сингапур, Южная Корея,

Тайвань) перешли к рыночной экономике, действующей совместно с авторитарным правительством, которое не отличается от правительства в Китае. Ответ зависит от того, что считать гегемонией. Если имеется в виду контроль над экономикой и отсутствие капиталистического класса, ответ будет негативным. Различие между развивающимися странами в Юго-Восточной Азии и странами государственного социализма заключается в том, что в первых странах уже имеется капиталистический класс и институт частной собственности. Зарождающийся класс буржуазии уже присутствует в Китае, и политическое руководство реагирует на его интересы. Вероятно, этот класс будет выдвигать дальнейшие требования по поводу политической системы. Совокупность политических факторов (относительно немногочисленная интеллигенция, большая численность крестьянского населения, масштабные интересы вооруженных сил и заслуживающее доверия руководство) поддерживает формальное правление партии, хотя ее власть подорвана. Политический класс поддерживает свою власть благодаря собственной относительной силе, доверию и желанию править. Он не создает условий, при которых потенциальные преимущества восстания со стороны тех, кто находится в противоречивой классовой позиции, превысили бы классовые потери.

Разногласия, которые я выделил между политическим и приобретающим классами в СССР, соответствуют разделению между классами в Китае. Валдер (*Walder*) указывает, например, на различие между «элитными профессионалами и элитными администраторами». Он считает, что профессионалы «не получают доход от образования, который они имели бы в рыночной экономике. ...Отсюда резонно их ожидание по поводу того, что переход от централизованного планирования и диктатуры партии обеспечит им власть и материальную компенсацию, которые находятся в большем соответствии с их образованием и профессиональным престижем» [*Walder* 1995, с. 324].

«Буржуазное по виду, национальное по форме»

Меняющаяся социальная структура является одной из тех решающих переменных, которые обеспечивают поддержку или оппозицию данному политическому руководству и системе правления. Социальная структура характеризуется многофакторными эффектами, изменения в социальной структуре влияют на нормы, ценности, институты и процессы. Основной «толчок» движению к рынку пришел от тех, кто получал больше других от института рыночной системы и от ослабления системы административного планирования: интеллигенции и тех, кто имел конкурентоспособные умения, — те, кого я определил как приобретающий класс. Развитие национальных интересов и национального сознания явилось, по существу, следствием того, что локальные элиты возрождали национальность как основу для своей собственной легитимности. Управление всесоюзными политическими и экономическими институтами сформировало ядро политического класса — из тех, кто был ответствен за контроль над экономикой; а в республиках из тех, кто занимал противоречивые позиции. Ослабление идеологического контроля и дискредитация советских институтов и их легитимной идеологии создали условия, при которых республиканские элиты могли потенциально больше получить, чем потерять, отстаивая переход к рынку и к своей

Падение государственного социализма

собственной суверенности. Вследствие ослабления советского политического класса к ним должен перейти контроль над активами, а в будущем и владение ими. Движение за радикальные реформы имело националистическую/региональную форму. Со времен Сталина основу национальной политики составляло укоренение, согласно которому местные кадры набирались из эндогенных национальностей. Согласно этому командные посты в политических институтах формировались из представителей местных народностей. Результатом советской политики в сфере национальностей стало лучшее владение информацией о том, какие национальности преобладают в республиках. Такое знание базировалось на повышении уровня образования. Слой профессионалов возглавил руководство национальным движением. Медленный экономический рост и быстрое увеличение населения способствовали усилению конкуренции между стратами — за образование, профессиональный статус и политическую власть. При этом конкуренция имела национальную форму. Хотя в соответствии с теорией советского социализма этничность представлялась легитимной формой культурной идентификации, она стала формой «социального запрета», в которой язык, религия и цвет кожи были кодом для идентификации социальных групп и для распределения привилегий, власти и престижа. Фактически люди имели две формы национальной идентификации: советскую и национальную, которая была связана с географической территорией или языком. Отсюда, когда от советской идентичности (пространства) отеклись (с помощью лидеров перестройки), то основой легитимации политического реформистского движения стала национальность (язык). Республики имели конституционное право на отделение.

Однако важно не смешивать движение за реформы с национальным движением; второе легитимировало первое. В восточно-европейских странах движения за реформы получили свое развитие в этнически однородных обществах — например в ГДР, Польше и Венгрии — независимо от национального движения. Утверждение прав Российской республики (под руководством Ельцина), на первый взгляд, не имело *националистического/этнического* основания. Эта акция носила политический характер, основываясь на интересах восходящего приобретающего класса. Нация возрождалась и/или создавалась и перерастала в движение (национальное) за реформы. Национализм стал удобной формой легитимации для движения за реформы: он существенно влиял на укрепление социально-политической сферы. Как отметил Геллнер (*Gellner*), «нация — это такая крупная совокупность людей, в которой ее члены идентифицируют себя с коллективом, не будучи знакомы с другими его представителями и не идентифицируя себя каким-либо особым образом с субгруппами этого коллектива» [*Gellner 1987, с.6*].

Но социально-структурный анализ в терминах только внутренней динамики общества не объясняет расхождения в поддержке альтернативы государственным социалистическим режимам. В случае с восточно-европейскими и балтийскими обществами близость к Западу и традиционные формы национальной идентичности выступают важными переменными, которые обуславливают альтернативные политические идеалы и поддержку нового режима. В этих обществах Запад в виде развитых индустриальных государств Европы и США образовывал среду, в которой государственный социализм должен был развиваться и реформироваться. В отсутствие собственной буржуазии Запад имел основное

влияние на реформы и обеспечил поддержку и стимул для внутреннего перехода к капитализму. Внешнее окружение, к рассмотрению которого мы переходим, оказывало существенное воздействие не только на формирование политики, но во многом определяло и пути трансформации.

Внешнее окружение

В мировом масштабе капитализм доказал, что как система производства и потребления он является более эффективным, чем это ожидалось всеми коммунистическими лидерами от Ленина до Брежнева. «Модель развития» государственного социализма имела позитивное воздействие на Восточную Европу и страны третьего мира сразу после окончания Второй мировой войны. Но начиная с 1980-х годов рост капиталистических экономик стран Юго-Восточной Азии, таких как Тайвань, Малайзия и Южная Корея, предоставил альтернативу для развивающихся обществ «третьего мира».

Экономическая модель государственного социализма не была абсолютно неудачной; ее неудача была сродни мировой экономике. В 1986 г. доля СССР составляла 12 % мирового промышленного производства, занимая третье место (после США и Японии) в мире; Китай был на четвертом месте, а Восточная Германия — на восьмом [Dicken 1992, с. 30].

В табл. 6 показан относительный спад в 1980-х годах. До 1980-х годов соотношение коэффициентов роста было сбалансировано между Восточной и Западной Европой; за период 1971—1980 гг. эта пропорция даже стала благоприятной для социалистических стран, соотношение коэффициента роста для Восточной и Западной Европы составил 1,13, а для социалистических стран относительно ведущих капиталистических стран — 1,08 (см. таблицы внизу). Между тем в 1980-х годах был заметным значительный спад коэффициентов роста и спад доли социалистических стран относительно ведущих капиталистических стран (0,86), а Восточной Европы по отношению к Западной (0,70). Таблица также показывает огромный успех реформ в Китае: средняя часть таблицы отображает последовательный рост за три следующих друг за другом периода (4,05; 5,7; 8,68). Однако восточно-европейские страны все еще имели значительные показатели промышленного роста: в период с 1980 по 1987 гг. ежегодный прирост промышленного производства в СССР составлял 3,7 %, в Восточной Германии — 4 %, Румынии — 4,8 %, Польше — 1,4 % и Чехословакии — 2,8 % (Китай — 12,6 %), выигрывая в сравнении с Германией (1 %), Францией (-0,5%), Великобританией (1,3 %) и Италией (0,9 %) (для США этот показатель был 3,9%) [Там же, с. 22].

Общества государственного социализма заимствовали передовые технологии производства и технику у ведущих капиталистических стран. Несмотря на то что социалистические государства не могли превзойти их, они стали промышленными странами, производящими авиационную технику, компьютеры, космические спутники, передовую военную технику и электронные системы. В терминах Уоллестайна, государственный социализм представлял собой не просто группу стран на «периферии» мировой системы. Эффектом государственного социализма было продвижение СССР из периферии «к позиции, гораздо более похожей на ведущую (*«core-like place»*)» (См.: [Luke 1985, с. 328]).

Падение государственного социализма

Таблица 6 Экономический рост стран капиталистического ядра и обществ государственного социализма (1961—1988 гг.)

	Ежегодный средний прирост реального ВВП (%)			Процентное изменение коэффициента роста		
	1961-1970	1971-1980	1981-1988	1960-1970	1970-1980	1960-1980
Капиталистическое ядро	4,95	3,2	2,62	-35	-18	-47
Западная Европа	4,75	3	1,79	-36	-40	-62
США	3,8	2,95	3,02	-22	+2	-21
Государственный социализм	4,7	3,45	2,27	-26	-34	-51
СССР	4,9	2,85	2,08	-41	-27	-58
Восточная Европа	3,85	3,4	1,26	-12	-63	-67
Китай	4,05	5,7	8,68	+40	+52	+114
Сравнительные оценки:						
Государственного социализма к капиталистическому ядру	0,99	1,08	0,86	+9	-20	-13
Восточной Европы к Западной Европе	0,81	1,13	0,7	+40	-38	-14

Источник: Экономический отчет президента 1985—1989 гг. (Вашингтон, округ Колумбия, США; Государственный центр печати, 1989), цит. по: [Босвелл, Поттерс 1990, с.7].

Несомненно, уровень технологий оставался ниже, чем на Западе, и «технологический разрыв» не исчезал [Там же]. Впоследствии одной из задач реформаторского руководства стало присоединение к мировому рынку с целью повышения технологической мощности. Вопрос о том, смогли бы Советский Союз и Восточная Европа присоединиться к «ядру» экономики капиталистического мира или оказались бы на периферии, остается открытым.

Более того, есть некоторые основания полагать, что азиатские страны, недавно ставшие на путь индустриального развития, *воспринимались* как угроза или альтернативная модель политическому руководству. В проведенном мною исследовании 116 представителям горбачевской элиты был задан вопрос: есть ли какая-либо другая страна, которая могла бы стать моделью для развития России. Из ответов было ясно, что члены политической элиты не пришли к согласию. Среди стран, которые можно было бы использовать в качестве модели для развития России, чаще других упоминался Китай (15), за ним следовали Скандинавские страны (13), Германия (12) и США (11). Большинство респондентов (66) считали, что Россия должна найти свой собственный путь, и независимо друг от друга выразили мнение, что никакая другая страна не может служить моделью для России. Таким образом, стало очевидно, что четкого представления о переходе к капитализму по западной модели не существовало. Очевидно, что у политической элиты не было ясного представления или положительной идеи относительно того типа общества, которое они видели как альтернативу государственному социализму. Обретение «российского» пути стало конечной формулой преодоления беспорядка. Было несколько неожиданным, что такие корпоративистские общества, как Южная Корея и Тайвань, получили незначительное

признание как возможные пути продвижения вперед. Хотя положительные результаты развития новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии, несомненно, были одним из аргументов для критики традиционных коммунистических лидеров и представляли интерес для политического руководства, однако они не имели решающего значения.

В Восточной Европе достигнутые капитализмом высоты потребления постоянно напоминали о сравнительной слабости государственного социализма. Уровень жизненных стандартов на Западе не мог быть улучшенным благодаря социалистическим странам; они могли быть только скопированы худшими моделями. Именно субъективная оценка Запада явилась важным фактором-толчком для реформ. Артефакты капитализма завладевали воображением людей: реализация социальных и эмоциональных потребностей виделась через непрерывное и все новое потребление бесконечного разнообразия товаров и услуг. Такие проявления общества потребления — символизируемого менталитетом супермаркета, телевидением в качестве масс-медиа, автомобилями как статусным признаком, рок-музыкой и сексом как сиюминутным удовлетворением — были формами культурного загрязнения, которые противоречили государственному социализму и не поддавались его контролю. Как сказал один из представителей «Демократической России» в интервью с М. Гарселоном (*Garcelon*), «программа демократов в России на протяжении длительного времени... была простой: "Мы сделаем жизнь здесь такой, какова она есть в Америке"» [*Garcelon* 1995, с. 30].

«Культурная контр-культура», имеющая сходство с западным либерализмом, также подрывала идеологию. Внешнее окружение общества оказывало определяющее влияние на его ценности, формы интеграции, средства политических обязательств и методы адаптации. В марксистском понимании изоляцию Советского блока от мировой экономики можно было сравнить с «кандалами», тормозящими развитие производительных сил. Гонка вооружений также была чрезмерным оттоком ресурсов СССР и восточно-европейских стран. Пришло время присоединиться к капиталистическому ядру.

Изменяющийся образ капитализма

Капиталистический мир также значительно изменился. За период 1914—1945 гг. мировой капитализм преодолел две опустошительные мировые войны, структурную безработицу, автократичное и диктаторское правление, кульминацией чего был фашизм. Поражение фашизма во Второй мировой войне дискредитировало политических правых. Социалистические идеи — планирование, государство благосостояния — стали применяться на практике многими послевоенными европейскими правительствами. Однако с конца 1970-х годов *демократические* аспекты капиталистического общества, выраженные в правах человека, свободных выборах и конкурентных политических партиях, укрепили образ капитализма²³. Происходило нравственное перевооружение капитализма: США

²³ На практике, чтобы достичь этой видимости демократии, сотни тысяч людей при участии ЦРУ были убиты в таких странах, как Нигерия, Чили, Индонезия, не говоря уже о гражданских войнах в Корее, Малайе и Вьетнаме. Н. Чомский, например, указывает на то,

Падение государственного социализма

вуалировали свою внешнюю политику в отношении прав человека, а Организация Объединенных Наций следовала курсу «сохранения мира». «Капитализм» стал политически некорректным термином и был вытеснен обращением к плюралистическим и свободным демократиям. Эти символические аспекты капитализма обрели большую значимость во внешней политике западных лидеров, особенно Дж. Картера. Инвестиции, займы, торговля и военная помощь — все больше связывались с проблемами гражданских прав²⁴. Переход от автократии к демократии в Южной Африке, Испании, Португалии и, в конечном итоге, в Аргентине и Чили привел к альтернативному капиталистическому сценарию: а именно не только к авторитарному капитализму, но и бюрократическим формациям государственного социализма, который часто негативно именовали «сталинским»²⁵. Последний представлял менее привлекательный вариант, чем образ, списанный с успешной западной демократии. Призрак капитализма — динамичный, богатый, демократичный и милосердный — перевесил коммунизм.

С приходом политических лидеров Р. Рейгана в США и М. Тэтчер в Великобритании активизировалась воинственная антикоммунистическая риторика: СССР стал «империей зла», ведомой марксизмом—ленинизмом и стремящейся к внешней экспансии. Только через конфронтацию и военное превосходство можно было достичь политики сдерживания. В 1982 г. Рейган начал свой «крестовый поход за освобождение», чтобы спасти всех людей, живущих в условиях марксистско-ленинского режима²⁶. В своем обращении к Британскому правительству в июне 1982 г. он призвал к «глобальной кампании за освобождение... долговременным планам и надеждам — маршу свободы и демократии, после которого марксизм—ленинизм останется на пепелище истории» [Garthoff 1994, с. 11].

Это было частью американской политики по продвижению демократических изменений как в коммунистических странах, так и других авторитарных некоммунистических обществах (таких, как Южная Африка). Этим целям содействовали многие посредники и средства. С. Хантингтон (Huntington) называет следующие: «Национальный Вклад в Демократию», заявления Президента США, вещание радиостанций «Голос Америки» и «Радио Свободная Европа/Радио

что до пересмотра приоритетов в американской внешней политике в одной только Центральной Америке при режимах, поддерживаемых США, было убито 200 000 человек. К 1990 г. связь с такими традиционно насильственными режимами была отвергнута, и корреспондент «Вашингтон Пост» смог написать из Гватемалы: «Впервые во главе всех этих пяти стран стоят президенты, избранные в результате свободных и справедливых выборов». [Chomsky 1992, с. 216-217].

²⁴В то же время Запад также проводил политику свержения старого строя. Американская политика прибегала к вмешательству ЦРУ в поддержку антикоммунистических выступлений в Чили, Гватемале, Индонезии, Камбодже, Анголе и Никарагуа, а также вторжения в Гренаду.

²⁵Несмотря на негативные моменты, связанные с большим количеством нарушений гражданских прав капиталистическими государствами, международные средства массовой информации представляли их в более позитивном свете, и, как упоминалось выше, в своем развитии эти государства ориентировались на гражданские права, рынок и демократию.

²⁶Эта политика обозначена в решении Совета Национальной Безопасности № 75 (декабрь 1982), которое до сих пор является секретным документом.

Свобода», экономическое давление и санкции во многих странах, негативные выборы и воздержание по поводу займов многосторонними финансовыми институтами, дипломатические действия и материальная поддержка демократических сил посредством финансирования через ЦРУ. Сюда также входили поддержка «Солидарности» в Польше и повстанцев в Чили в 1988 г., в Никарагуа в 1990 г., военных действий, включая маневры в Гренаде, Панаме, на Филиппинах и в Сальвадоре, поддержка антикоммунистических сил в Афганистане, Анголе, Камбодже и Никарагуа. «Как следствие, при Картере, Рейгане и Буше США приняли демократическую [sic!] версию брежневской доктрины: в рамках сферы своего влияния она не позволила бы свергнуть демократическое правительство» [Хантингтон 2003].

Что касается Восточной Европы и Советского Союза, эта политика включала три аспекта: «непрерывные попытки достичь военного превосходства... общая милитаризация международной арены... массивная "психологическая" атака против социалистического сообщества...» [MacGwire 1994, с. 117—118].

Это предусматривало развитие ракетного вооружения, специальных сил для использования в Восточной Европе и применение экономических санкций через торговую политику и эмбарго на передовые технологии. В 1983 г. была принята Стратегическая оборонная инициатива (СОИ) для распространения американского военного превосходства. Восточно-европейским государствам (таким, как Венгрия и Румыния) была обещана помощь как награда за выход из-под советского влияния. Задачей психологической войны против Советского блока было подготовить людей в капиталистических странах к военным действиям против социалистических государств и подорвать в последних доверие к правительству [Там же, с. 110—113].

Р. Пайпс (*Pipes*) отмечает, что «систематическая политика дестабилизации Советского Союза преимущественно благодаря действиям ЦРУ» внесла решающий вклад в дезинтеграцию коммунизма [Pipes 1995, с. 154—160]. Далее он утверждает, что политика СОИ «ускорила падение» СССР и что благодаря политике ЦРУ удалось склонить Саудовскую Аравию к снижению цен на нефть, что серьезно повлияло на приобретение Советским Союзом иностранной валюты; что поддержка афганских партизан способствовала поражению СССР в Афганистане. Пайпс был советником Рейгана и, очевидно, знал содержание решения Совета Национальной Безопасности № 75, хотя он опирается на данные из: [Там же, с. 154—160], что, в свою очередь, усилило внутренний распад. В 1989 г. во время критического поворота событий, который привел к призывам за освобождение в Прибалтийских странах, фонд Соединенных Штатов «Национальный Вклад в Демократию» оказал финансовую поддержку прозападным группировкам в прибалтийских республиках, в Украине и на Кавказе. К этому можно добавить, как уже отмечалось ранее, свержение режимов на Кубе и в Польше и успех США в «секретных операциях в Чили и Никарагуа» [Schweizer 1994].

В таких идеологических и политических условиях реформаторы в СССР стремились присоединиться к мировому сообществу. Международный контекст дезинтеграции, описываемый в разных политических терминах, определяется Холлидеем (*Halliday*) как «классовая борьба на международном уровне».

Американская внешняя политика относительно гражданских прав не только выставляла капитализм в демократическом свете, но и имела внутренние

Падение государственного социализма

последствия в социалистических странах. Подписывая Хельсинкское соглашение о правах человека, Брежнев легитимировал западные права личности как критерии практик в странах Восточной Европы и СССР [Halliday 1991, с. 87]. Как отметил Чопфлин (*Schopflin*): «Настойчивость в введении прав человека в Хельсинкском процессе привела к медленному, но неизбежному проникновению этого принципа в политику советского типа и качественно ослабила легитимную силу марксизма-ленинизма» [Schopflin 1990, с. 16]. Конференция по безопасности и сотрудничеству в Европе (CSCE) перешла «от обязательств по ограниченному перечню прав человека (в 1975 г.) к принятию полного списка демократических свобод и институтов» [Хантингтон 2003], — демократии, политического плюрализма, права на создание политических партий, а также на свободные и честные выборы. Этим правам суждено было стать первыми условиями для принятия социалистических государств в мировое сообщество. Такие политические позиции определили условия, согласно которым социалистические страны могли присоединиться к глобальному сообществу. Одним из прямых последствий такой политики было обязательство правительства Венгрии, проводящего реформы, относительно права на эмиграцию. Этому последовали восточные немцы, которые получили возможность переезжать в Западную Германию через Венгрию, что подрывало авторитет ГДР.

Западные интересы и восходящий капиталистический класс

Традиционно считается, что переход от автократии в странах с установившейся рыночной экономикой и частной собственностью обусловлен внутренними силами, в которых восходящей буржуазии принадлежит важная роль. Как кратко изложил в своей работе об истоках диктаторства и демократии Б. Мур (*Moore*), «нет буржуазии — нет демократии» [Barrington 1967, с. 418]. Конечно, Мур имел в виду современные «буржуазные демократии» парламентского типа. Не все формы демократии зависят от рыночного класса собственников. Буржуазия делает ставку на институционализацию частной собственности, которая лежит в основе законных рациональных норм. Более того, парламентский тип демократии зависит от класса частных предпринимателей, чьи интересы продвигаются ограниченным государством и, по крайней мере первоначально, представительными институтами парламентского типа. Как указывает Ч. Линдблом (*Lindblom*), «история демократии в основном — свод преследования свободы» [Lindblom 1977, с. 162]. Конституционное движение было средством, при помощи которого растущий средний класс предпринимателей и торговцев стремился защитить благосостояние, собственность и экономическую свободу от произвола государства. «Государственный капитализм» — как отмечали Клифф (*Cliff*) и другие — не был заинтересован в дальнейшем развитии представительных институтов, так как координацию могут обеспечивать государственные учреждения. Более того, лидеры политического класса в коммунистических государствах не поддерживали конкурентные выборы и представительные институты, которые могли бросить вызов гегемонии государства через требования прав личности и гражданского общества. В СССР при Горбачеве «новая промышленная и

коммерческая буржуазия» оказалась чрезвычайно слабой. Ее участие в процессе реформ было незначительным (См.: [Lane 1996]), что дает основание вообще исключить ее как решающий фактор реформ (См., например: [Janos 1991; Bova 1991; Pei 1994]).

Большинство авторов отдают внешним факторам в переходе к демократии и рынку второстепенную роль. Признавая, что международные факторы могут «обуславливать и влиять на курс перехода», О'Доннел (*O'Donnell*) и Шмиттер (*Schmitter*), тем не менее, считают «непродуктивным» поиск «какого-то интернационального фактора или контекста», который «вызывает дезинтеграцию режимов» [Там же, с. 19]. Эта позиция, в общем, недооценивает внешние факторы не только в отношении роли международных корпораций, но также в отношении роли, которая отводится зарубежной политике крупных держав и международных организаций, таких как МВФ и Мировой банк, чья цель — оказывать экономическое влияние на внутреннее развитие стран, которым они дают кредиты. При сосредоточении на «изменчивости раскола между сторонниками твердого и мягкого пути развития» [O'Donnell, Schmitter 1986, с. ix, 18.] можно избежать анализа интересов, которым эти субъекты отвечают. Различие между переходом к капитализму в южно-европейских странах и странах Латинской Америки и посткоммунистических обществах состоит в том, что в последних не было своего буржуазного класса. Как и переход к капитализму в Германии и Японии, революция в СССР при Горбачеве осуществлялась сверху. Изменения получили ускорение не только благодаря союзу с интеллигенцией, но и посредством доминирующих экзогенных сил капитализма.

Как руководство Горбачева, так и Ельцина (в его ранний период) оказалось зависимым от тех, кто не поддерживал переход к капиталистической экономике, что, в свою очередь, усиливало нестабильность элиты и в дальнейшем привело к ослаблению солидарности. По этому поводу убедительно выразился бывший советник Горбачева:

«Задачей [внешней политики Горбачева] было не защита СССР от внешней угрозы и установление внутренней стабильности, а совсем наоборот: использование отношений с внешним миром как дополнительного средства внутренних преобразований. Он хотел превратить Запад в своего союзника в борьбе с консервативной оппозицией, которую он встречал дома, так как его реальный политический фронт был здесь» [Грачев 1995, с. 3].

Это может звучать иронично, но зависимость была именно от сил Запада, который хотел разрушить старое коммунистическое правительство вместе с его политическим и экономическим порядком. Политические консервативные лидеры ведущих западных государств отстаивали политику конкурентных сынков в политике (партии и выборы) и экономике (приватизация производства, ориентированная на рынок и доход, и деньги, которые имели бы доступ к международному рынку). Обе эти стратегии явно имели последствия для «перехода» в СССР и России: появление партий и выборов привело к развалу СССР; рыночная форма обмена проложила путь западным товарам и капиталу. Связь с иностранными интересами послужила балластом в процессе капиталистического перехода — вместо буржуазного класса или, как в раннем капитализме, земельной аристократии с коммерческим и буржуазным мировоззрением. Важно отметить здесь, что отсутствуют какие-либо основания полагать, что прежние

Падение государственного социализма

главствующие институты (КГБ, армия, номенклатура) сыграли роль суррогата для буржуазии. Следовательно, если необходимым условием демократии является буржуазия, то понятно, почему такая демократия не получила развитие в России и почему западные интересы занимают такое значительное место во взглядах политических элит.

Процесс внутренних реформ является классическим случаем, когда руководство радикальными реформами, сначала при Горбачеве, потом при Ельцине, стремилось к соглашению с зарубежными мировыми акторами для продвижения своей политики (См.: [Rose 1991, с. 462]). Следствием — в стране, которая имела относительно автаркическую политическую форму — было усиление разногласий среди элиты. При Ельцине переход включал подавление прежней коммунистической элиты, а позже — физическую расправу с законодательной элитой (в Российском парламенте), которая неизменно составляет основу «демократических» преобразований. Стратегия доминирующей элиты, появившейся при Ельцине в августе 1991 г., зависела от создания имиджа легитимности в глазах развитых стран Запада.

Это было следствием зависимости Ельцина от внешних сил, от важности произвести «демонстрационный эффект» для Запада, обеспечивая свою легитимность как настоящего реформатора, занятого построением посткоммунистической системы буржуазного характера. Следствием для системной дезинтеграции является то, что политические предпочтения и альянсы находящихся у власти элит представляют собой важнейшие моменты в понимании изменения режима. Кроме того, требования к таким лидерам должны учитывать политику главных деятелей международной арены, которые имеют собственные политические интересы²⁷.

Сочетание системных разногласий и взаимодействия политического руководства обусловило падение. С социологической точки зрения, западная политика повлияла на ценности (независимость стала символом освобождения) и на интеграцию — конкуренция заменила общность. В политике конкурирующие партии и гражданское общество достигли демократического централизма; а в экономике частной собственности и рынку суждено было заменить государственную собственность и плановую экономику.

Предпосылки дезинтеграции: кумулятивные эффекты

Сама по себе политика конфронтации западных государств не могла стать причиной дезинтеграции, как утверждают такие авторы, как Пайпс (*Pipes*). Но она в большой мере способствовала разрушению советской системы и внесла свой немалый вклад в стимулирование и поддержку той разновидности реформа-

²⁷ В статье Хигли (*Higley*) и Бертона (*Burlona*) исследуются *национальные элиты* и игнорируется международный контекст. (См.: [Higley, Burton 1989]; О роли американской внешней политики как катализатора дезинтеграции в Восточной Европе см.: [Pipes 1995, с. 154—160]. Пайпса больше интересует экономическая и военная дезинтеграция. Данные указывают на несоответствие между идеологическим курсом и настроением элиты, а также формированием стратегии.

торского движения, которое было приемлемым для Запада²⁸. Хронометраж коллапса был связан с политическими инициативами Запада. Ситуацию можно сравнить скорее с соломинкой, которая сломала спину верблюда, чем, следуя выражению Пайпса, «спичкой, которая разожгла пламя». Только более широкий глобальный контекст позволяет дать оценку такой политике. Хотя СССР оставался ведущей мировой державой, претендующей на второе место в мире по объему валового национального продукта и военной мощи, уступая только США, он претерпевал постоянный упадок как во внутренних, так и международных делах. Со времени окончания Второй мировой войны СССР утратил свою гегемонию в мировом коммунистическом движении, которое и само пребывало в смятении²⁹. Неправящие европейские коммунистические партии отходили от идентификации себя с режимами советского типа, что становилось препятствием для выборов. Эти партии присоединились к «еврокоммунистическим» социал-демократическим стратегиям.

В формировании политики Горбачев находился под влиянием не только М. Тэтчер и других западных лидеров, но и глав коммунистических и социалистических партий. В поисках модели для пересмотра идей коммунизма он, несомненно, был под влиянием еврокоммунизма, особенно идей Ф. Гонсалеса (социалиста, премьер-министра Испании). Гонсалес был тем «зарубежным лидером, к которому Горбачев был наиболее близок» и с которым он провел много часов, обсуждая политические вопросы [Грачев 1994, с. 100]. Напомним, что Гонсалес преобразовал свою партию: от марксистских позиций она перешла к поддержке приватизации, свободного рынка и НАТО. В результате Гонсалес одержал уверенную победу на выборах. Британский консервативный еженедельник «Экономист», описывая политику Гонсалеса, охарактеризовал ее как «нечто правее политики Маргарет Тэтчер».

Внутри коммунистического блока советской форме социализма открыто бросали вызов самые различные силы, такие, как чехословацкое реформистское движение, «Солидарность» в Польше, реформаторы рынка в Венгрии и Китае. Даже в СССР политическое руководство осознавало упадок экономической производительности и слабость советского блока в его конкуренции с развитым капиталистическим Западом — как в военной, так и экономической сферах. Короче говоря, широко признавалось, что марксизм-ленинизм теряет доверие к способности создать социально-политическую систему, которая была бы более развитой, чем капитализм. Тем не менее ситуация не была безнадежной. Страны Варшавского Договора имели хорошо оснащенную сухопутную армию и ядерное оружие. Экономический рост был позитивным. Альтернативная капиталистическая система также имела свои собственные проблемы.

²⁸ Например, ведущие правящие коммунистические партии (Китая, Вьетнама, Северной Кореи и Албании) бойкотировали международные конгрессы коммунистических и рабочих партий, которые организовывал СССР. Заключительные декларации были подписаны 61 представителем из 75 присутствовавших. (См.: [White 1992, с. 192]).

²⁹ МакГвайер, например, утверждает: «Предположение, что именно конфронтационная политика администрации Рейгана привела к революции Горбачева, не только неверно, но и опасно»: [MacGwire 1991]. Такое утверждение верно в том плане, что оно указывает на опасность подобной политики.

Падение государственного социализма

У политического руководства при Горбачеве была альтернатива. Оно могло сформировать блок между реформистскими группами политического класса и традиционными сторонниками государственного социализма: рабочим классом. Оно также могло апеллировать к тем, кто мог бы понести потери от движения к рынку: к вооруженным силам, государственным служащим, пенсионерам (составляющим большую и влиятельную группу поддержки государственного социализма) и к женщинам. Марксизм-ленинизм все еще имел внутреннюю связующую силу и мог быть обновлен, как при Хрущеве. Другая возможная альтернатива состояла в проведении реформы по китайскому образцу. Такой путь находил широкую поддержку на Западе [The Economist 1989, с. 43. Приводится в: *Lipset* 1991, с. 187], и эту политику поддерживала и советская политическая элита. То, что Горбачев не пошел по этому пути, объясняется большей значимостью других сил, о которых уже шла речь.

При таких условиях конфронтационная политика Р. Рейгана и М. Тэтчер сменилась и привела к политике «за пределами сдерживания» президента Буша. Это стало последней «каплей», которая заставила советское руководство отказаться от своих традиционных политических стратегий, чтобы как минимум сохранить в государственном социализме то, что возможно, и как максимум создать новую парадигму коммунизма. Хотя основные силы перемен создали условия, к которым государственный социализм был вынужден адаптироваться, какой бы лидер ни находился при власти, западная политика ускорила изменения, производимые Горбачевым: требовался как минимум переход к демократии западного типа с конкурирующими политическими партиями и рыночной экономикой. Правительство США поддержало перестройку, поскольку она явилась «рычагом, способным продвинуть СССР в желаемом для США направлении» [Там же, с. 43].

Целями Горбачева в заключительный период существования СССР были поддержка его политики со стороны Запада, прекращение дискриминационных торговых санкций и усиление интеграции в мировую экономическую систему. Он ответил Западу отменой брежневской политики внешней социалистической интервенции в Восточную Европу, подтвердив это в переговорах с Бушем на Мальте в декабре 1989 г. снижением военной помощи странам «третьего мира», особенно Никарагуа, и односторонним разоружением. В феврале 1990 г. Горбачев аннулировал политику в отношении Германии в пользу ее воссоединения. Буш приветствовал политику Горбачева как «триумф «западных» демократических ценностей» (Приводится в: [Garthoff 1994, с. 407]). СССР и Восточная Европа достигли некоторого ослабления контроля над импортом технологий, но Запад настаивал на проведении внутренних преобразований до того, как может произойти «нормализация» торговли. Так, в июле 1990 г. Буш наложил вето на распространение влияния Европейского Банка реконструкции и развития и на другую экономическую помощь до тех пор, пока экономические реформы будут «на месте» [Там же, с. 415]. В июле 1991 г. на встрече с Горбачевым страны «Большой семерки» (крупнейшие промышленно-развитые страны: США, Великобритания, Япония, Германия, Франция, Италия, Канада) отказали СССР в предоставлении запрашиваемой помощи и полного членства в МВФ. В то же время Буш дал понять, что поддержка перестройки, «новой советской революции», зависит от «реальных реформ» [Там же, с. 470].

На Западе прекрасно понимали, что последствия политики Горбачева приведут к системному коллапсу. Как отметил Бжезинский [*Brzezinski* 1989], экономическая эффективность нуждается в конкуренции, для конкуренции требуется рынок, а для укрепления курса национальной валюты требуется частная собственность. С этой точки зрения перестройка должна была победить коммунизм. Для модернизации экономики рынок призвал к политическому плюрализму, а это, в свою очередь, повлекло за собой необходимость демократии. Настоящий плюрализм означал автономию политической активности вообще и конкуренцию между политическими партиями в частности. Несостоятельность коммунистической партии состояла в том, что она не могла успешно включиться в эту конкуренцию. Таким образом, политический рынок привел бы к демократии представительного типа с группами интересов и конкурирующими партиями; а отличительные черты государственного социализма (централизованная марксистско-ленинская партия и государственное планирование) были бы разрушены. Для укрепления материальных основ гражданского общества частная собственность должна быть легитимирована. Когда это произошло, «холодная война» была выиграна Западом. Это было осуществлено не с помощью вооруженной битвы: созревание восходящего интеллектуального приобретающего класса обеспечило позитивное восприятие такой политики. Люди отвергли государственный социализм. Получили ли выгоду те, кто произвел революцию, — это уже другой вопрос.

Перевод с англ. И.А.Беляевой; научн. ред. О.Д. Куценко

Библиография

- Вестник статистики. М., 1983.
Грачев А. Дальше без меня: уход президента. М.: Культура, 1994.
Грачев А. Россия в мире. Выступление на ежегодной конференции Британской национальной ассоциации славянских и восточно-европейских исследований. Cambridge, 1995.
 Известия ЦК КПСС. 1990. № 7.
 Известия. 1989. 5 мая.
 Известия. 1989. 6 мая.
 КПСС в цифрах // Партийная жизнь. 1986. № 4.
 Народное образование в СССР. М., 1957.
 Народное хозяйство в 1987 г. М., 1988.
Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре: Трактаты. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 1998.
 Статистический ежегодник стран—членов Совета Экономической Взаимопомощи 1988. М., 1988.
Хантингтон С. Третья волна: Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003.
Яковлев А. О «пропасти» марксизма. Всемирная служба BBC SU 1197 B4, 8 октября 1991 г.
After the Fall / Ed. by R. Blackburn. Verso, 1991.
Asselain J.-Ch. The Distribution of Incomes in East-Central Europe // Kende P., Strmiska Zd. Equality and Inequality in Eastern Europe. Berg, 1987.
Bahro R. The Alternative in Eastern Europe. New Left Books, 1978.

Падение государственного социализма

- Barrington M.Jr.* Social Origins of Dictatorship and Democracy. Allen Lane, 1967.
- Bauman Z.* Officialdom and Class / Ed. by F. Parkin // The Social Analysis of Class Structure. Tavistock, 1974.
- Beissinger M., Hajda L.* Nationalism and Reform in Soviet Politics // Hajda L., Beissinger M. The Nationalities Factor in Soviet Politics and Society. Westview Press, 1990.
- Beissinger M.R.* The Rising Tide of Cultural Pluralism / Ed. by C Young // The Rising Tide of Cultural Pluralism: The Nation-State at Bay. University of Wisconsin Press, 1993.
- Berliner J.R.* The Harvard Project and the Soviet Interview Project // Fleron F.J., Hofmann E.P. Post-Communist Studies and Political Science. Westview Press, 1993.
- Bova R.* Political Dynamics of the Post-Communist Transition // World Politics. 1991. Oct.
- Bnezinski Z.* The Grand Failure: The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century. Macdonald, 1989.
- Cappelli O.* Comparative Communism's Fall. The First Phase: "The Intelligentsia Revolution" of 1989-1990. Harriman Institute Forum. 1990. 3:6.
- Chomsky N.* Deterring Democracy. Hill and Wang, 1992.
- Communist Regimes: The Aftermath / Ed. by R. Miliband, L. Panitch // Socialist Register. 1991. Merlin Press, 1991.
- Dallin Alexander.* Causes of the Collapse of the USSR // Post-Soviet Affairs. 1992. 8:4.
- Deudney D., Ikenberry G.J.* Soviet Reform and the End of Cold War / Ed. by F.J. Fleron, E.P. Hoffmann // Post-Communist Studies and Political Science: Methodology and Empirical Theory in Sovietology. Westview Press, 1993.
- Dicken P.* Global Shift. Paul Chapman, 1992.
- Eberstadt N.* The Poverty of Communism. Transaction, 1988.
- Ellman M., Kontorovich V.* Overview / Ed. by M. Ellman, V. Kontorovich // The Disintegration of the Soviet Economic System. Routledge, 1992.
- Erikson R., Goldthorpe J.H.* Commonality and Variation in Social Fluidity in Industrial Nations // European Sociological Review. 1987. 3:1.
- Feher F., Heller A., Markus G.* Dictatorship over Needs. Blackwell, 1983.
- Fundi F.* The Soviet Union Demystified: A Materialist Analysis. Junius, 1986.
- Garcelon M.* The Estate of Change: The Specialist Rebellion and the Democratic Movement in Moscow, 1989-1991. Kennan Institute, Washington, D.C. 1995.
- Garthoff R.L.* The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War. Brookings Institution, 1994.
- Gellner E.* Culture, Identity and Politics. Cambridge University Press, 1987.
- Giddens A.* The Class Structure of the Advanced Societies. Hutchinson, 1973.
- Grusky D.B., Hauser R.M.* Comparative Social Mobility Revisited // American Sociological Review. 1984. №49.
- Haller M., Mach B. W.* Structural Changes in Mobility in a Capitalist and a Socialist Society: Comparison of Them in Austria and Poland / Ed. by M. Niessen, J. Peschar // International Comparative Research. Pergamon, 1984.
- Halliday F.* The Ends of Cold War // Blackburn R. After the Fall. Verso, 1991.
- Handbook of Economic Statistics. Washington D.C, 1991.
- Heller A.* Phases of Legitimation in Soviet-type Societies / Ed. by T.H. Rigby, F. Feher // Political Legitimation in Communist States. Macmillan, 1982.
- Higley J., Burton M.* The Elite Variable in Democratic Transitions and Breakdowns // American Sociological Review. 1989. № 54.
- Holmes L.* The End of Communist Power. Polity Press, 1993.
- Janos A.C.* Social Science, Communism and the Dynamics of Political Change // World Politics. 1991. Oct.
- Jowitt K.* New World Disorder: The Leninist Extinction. University of California Press, 1992.
- Konrad G, Szelenyi I.* The Intellectuals on the Road to Class Power. Harvester, 1979.
- Lane D.* Soviet Labour and Ethic of Communism. Wheatsheaf, 1987.

- Lane D.* Soviet Society Under Perestroika. Routledge, 1992.
- Lane D.* Gorbachev's Political Elite // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 1994.0:1.
- Lane D.* The Gorbachev Revolution: The Role of the Political Elite in Regime Disintegration // *Political Studies*. 1996. № 44.
- Lane D.* The Rise and Fall of State Socialism. Industrial Society and the Socialist State. Oxford, Cambridge: Polity Press, 1996. P 151-187.
- Lane D.* The Roots of Political Reform: The Changing Social Structure of the USSR// Merridale C, Ward C. Perestroika: The Historical Perspective. Edward Arnold, 1991.
- Lane D., Ross C.* Limitations of Party Control: The Government Bureaucracy in the USSR // *Communist and Post-Communist Studies*. 1994. 27:1.
- Lane D., Ross C.* The Changing Composition and Structure of the Political Elites / Ed. by D. Lane // *Russia in Transition*. Longman, 1995.
- Lane D., Ross C.* The Social Background and Political Allegiance of the Political Elite of the USSR // *Europe-Asia Studies*. 1994. 46:3.
- Lewin M.* The Gorbachev Phenomenon. University of California Press, 1988.
- Ligachev Y.* Inside Gorbachev's Kremlin. Pantheon, 1993.
- Lindblom Ch.* Politics and Markets. Basic Books, 1977.
- Lipset S.M.* No Third Way / Ed. by D.Chicot // *The Crisis of Leninism and the Decline of the Left*. University of Washington Press, 1991.
- Luke T. W.* Technology and Soviet Foreign Trade: On the Political Economy of an Underdeveloped Superpower// *International Studies Quarterly*. 1985. 29:3.
- MacGwire M.* Perestroika and Soviet National Security. Brookings Institution, 1991.
- Mason D.S.* Attitudes toward the Market and Political Participation in the Postcommunist States//*Slavic Review*. 1995. 54:2.
- Millar J. R.* History, Method and the Problem of Bias // *Fleron F.J., Hofmann E.P.* Post-Communist Studies and Political Science. Westview Press, 1993.
- Moskoff W.* Hard Times. M.E. Sharpe, 1993.
- National Security Review*. 1989. № 3. February.
- O'Donnell G., Schmitter P.C.* Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Johns Hopkins University Press, 1986.
- Parsons T.* General Theory in Sociology// *Merton R.K. et al.* Sociology Today. Free Press, 1959.
- Pei M.* From Reform to Revolution: The Demise of Communism in China and the Soviet Union. Harvard University Press, 1994.
- Pipes R.* Communism: The Vanished Specter. Oxford University Press, 1994.
- Pipes R.* Misinterpreting the Cold War: The Hardliners Had It Right. *Foreign Affairs*. 1995.74:1.
- Pipes R.* Misinterpreting the Cold War: The Hardliners Had It Right. *Foreign Affairs*. 1995.74:1.
- Remington T.F.* Regime Transition in Communist Systems // *Fleron F.J., Hofmann E.P.* Post-Communist Studies and Political Science. Westview Press, 1993.
- Rocher G.* Talcott Parsons and American Sociology. Nelson, 1974.
- Roemer J.E.* A General Theory of Exploitation and Class. Harvard University Press, 1982.
- Rose R.* Comparing Forms of Comparative Analysis//*Political Studies*. 1991. 39:3.
- Schopflin G.* Politics in Eastern Europe. Blackwell, 1993.
- Schopflin G.* The End of Communism in Eastern Europe // *International Affairs*. 1990. 66:1.
- Schweizer P.* Victory. Atlantic Monthly Press, 1994.
- Schopflin G.* Conservatism in Central and Eastern Europe / Ed. by J.M. Kovacs // *Transition to Capitalism?* Transaction, 1994.
- The Crisis of Leninism and the Decline of the Left: The Revolutions of 1989* / Ed. by D. Chiot. University of Washington Press, 1991.
- The Economist*. 1989. 11 February.

Падение государственного социализма

The Social Consequences of Modernisation in Communist Societies / Ed. by M.G. Field. Johns Hopkins University Press, 1974.

To the Stalin Mausoleum // *Daedalus*. 1990, 119:1.

Walder A. Career Mobility and the Communist Political Order // *American Sociological Review*. 1995. 60:3.

Waller M. The End of the Communist Power Monopoly. Manchester University Press, 1993.

Walzer M. The Company of Critics: Social Criticism and Political Commitment in the Twentieth Century. Basic Books, 1988.

White S. Gorbachev and After. Cambridge University Press, 1992.

Wright E.O. A General Framework for the Analysis of Class Structure // *Politics and Society*. 1984. № 13.